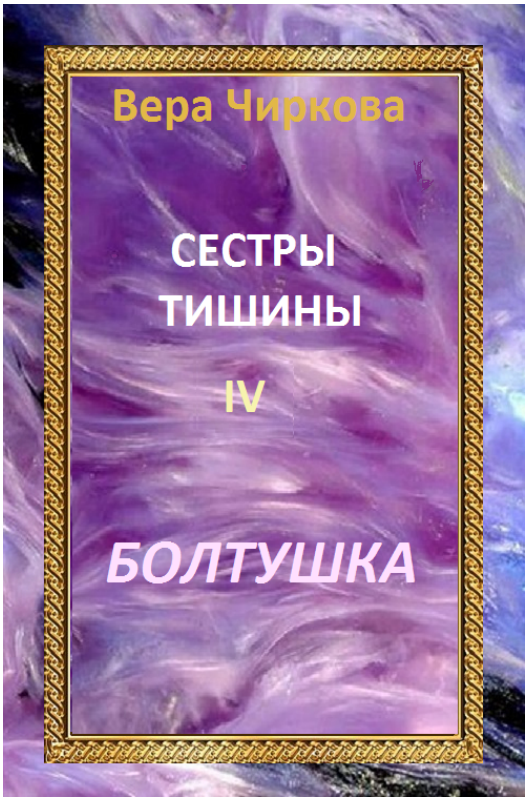
Вера Чиркова
СЕСТРЫ
ТИШИНЫ
IV
БОЛТУШКА

Сестры Тишины

Вера Чиркова

Сестры Тишины. Болтушка

«Чиркова Вера Андреевна»
2014

Чиркова В. А.

Сестры Тишины. Болтушка / В. А. Чиркова — «Чиркова Вера Андреевна», 2014 — (Сестры Тишины)

ISBN 978-5-699-72987-6

Ни ушлый торговец, ни опытная целительница, ни тем более высокомерный хозяин богатого замка никогда не поверят байкам о том, будто беспечной и болтливой простолюдинке по силам обвести их вокруг пальца и при этом остаться безнаказанной. Просто посмеются и тотчас забудут эти сказки, даже не подозревая, что никогда бы не стали над ними смеяться ни сестры Святой Тишины, ни их мудрая настоятельница. Ведь болтушка – это одно из самых непростых и тайных ремесел, какими владеют девушки, вышедшие из стен загадочного северного монастыря. И никогда не воспользуется своим мастерством ради развлечения ни одна болтушка, на это ее может толкнуть лишь смертельная опасность или крайняя нужда.

ISBN 978-5-699-72987-6

© Чиркова В. А., 2014

© Чиркова Вера Андреевна, 2014

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 23
Глава 6 27
Глава 7 32
Глава 8 36
Глава 9 40
Глава 10 45
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Вера Андреевна Чиркова
Сестры Тишины. Болтушка

Глава 1

– Малиха! – Донесшийся со двора рык хозяина застал женщину за едой, но она и не подумала проглотить лишнюю ложку варева.

– Доедай, – подвинула миску с похлебкой загорелому дочерна мальчишке и стремглав бросилась прочь из мазанки. – Слушаю, хозяин!

– Не видишь, что творится возле лавки Васана? – Жесткие усы на лоснящемся круглом лице от возмущения встали дыбом, как шерсть на загривке одичавшей собаки.

– Бегу, хозяин. – Малиха ловко замотала голову тонким полотняным платком с давно выцветшим узором и бросилась к выходу со двора.

Торговлю по торемскому обычаю купцы вели в передней части собственных дворов, огороженных высокими глинобитными дувалами. Очень удобный способ. Не нужно таскать туда-сюда товар и платить охранникам, достаточно просто утром пошире распахнуть ворота, чтобы идущему мимо люду было отлично видно, чем торгуют в этом дворе. А хозяину можно устроиться на засаленном ковре, брошенном на поставленный над арыком топчан, и спокойно наблюдать за покупателями, неспешно жуя какой-нибудь из сушеных фруктов.

– Ай, добрые люди! Чем таким хорошим тут торгуют? – едва войдя во двор к торговцу Васану, певучим голосом завела Малиха. – Ой, надо же, какие румяные лепешки! Как бы узнать, чем таким их мажут? Мои никогда такими не получаются, а уж чем только ни мазала! И молоком, и взбитыми яйцами, и даже медом! А эта морковка такая крупная! Слава вырастившему ее, слава… у других ведь ботва только выросла… каким, интересно, навозом ее поливали? Никто не слышал, на чем морковь быстрее растет? Кто бы рассказал, я бы заплатила.

– Малиха! – Крепкая лапа приказчика Ахчара, помощника Васана, сжала ее предплечье, и женщина немедленно попыталась вонзить ему между ребер острый локоть. – Идем со мной, я все покажу! И чем лепешки мажут, и откуда морковка растет…

– Вот как вырастет у тебя такая, как в той корзине, так и покажешь, – не осталась в долгу Малиха и со всей силы опустила каблук грубого дешевого башмака на носок его щегольских сапог из тонкого хрома.

– Ай, шайтан-апа… – взвыл приказчик, отпуская ее руку, и схватился за ногу, – все кости раздавила, змея!

Но женщины уже не было рядом, ее серенький платок мелькнул в воротах и затерялся в толпе.

Да и остальные покупатели, бродившие между корзин и скамеек с разложенным товаром, потихоньку потянулись к выходу. Народ в этом мирном и благодатном городе любил поторговаться и совершать покупки не спеша, со вкусом и удовольствием, а какое тут удовольствие, когда приказчик ни с того ни с сего набросился посреди дня на беззлобно болтавшую какие-то глупости женщину? Разумеется, говорила она не очень приятные вещи… все знают, сейчас, в дни поста, перед поворотом солнца к лету, нельзя даже смотреть на молоко и яйца. Ну а мед вообще нельзя отбирать у пчел, пока не отцветет последнее дерево в долине! Но не бить же за болтовню свободную женщину!

– Ахчар! – пронзительные черные глаза Васана сверлили пухлое лицо приказчика, как жужелицы плод. – Я тебя просил потихоньку отвести ее в сторону!

– Никому не под силу потихоньку договориться с этим отродьем демона! Пусть кто другой попробует!

– Но плачу я – тебе! И мне все равно, как ты это сделаешь, но если эта герпень войдет завтра в мой двор, то ты из него тут же вылетишь!

– Не войдет, – злобно прищурился Ахчар и решительно направился к глухой загородке, перегораживающей двор надвое, даже не догадываясь, что почти рядом, за дувалом, неторопливо бредет по узкому проулку обидевшая его служанка торговца Кахрима, живущего наискосок.

– Хасит!

– Я тут, господин. – Коловший узловатые дрова прислужник отставил топор и поклонился.

– Ты же сидел за воровство? Значит, умеешь лазить по деревьям и заборам. Не ложись вечером спать, работа будет.

– Хорошо, господин, – уныло сказал тот и низко поклонился, пряча злой и насмешливый взгляд.

Нужно быть последним дураком, чтобы не догадаться сразу, какую пакость задумал этот шакал. Светлоглазая и остроязыкая Малиха, вот причина последних бед и мечтаний приказчика. Пока он придумывает ответ на один ее вопрос, шустрая женщина успевает задать пять новых, но это он бы стерпел. По приказу хозяина служанка ловко отпугивает покупателей, заставляя их сомневаться в качестве товара, а Ахчар ничего не может с этим поделать.

Разумеется, он пытался ее соблазнить и подкупить, запугать и даже побить! Но ни одна из попыток не завершилась победой мужчины, как положено по незыблемым законам. И если бы она была не свободной вдовой, а чьей-то сестрой или дочерью, то давно уже пришла бы в дом Ахчара под свадебным покрывалом. Но свободную вдову, поднимающую сына, законы защищают очень строго. И у приказчика есть только один выход заманить ее на женскую половину своего дома: выкрасть, опоить зельем и показать утром старосте квартала спящей в своей постели. Никто не станет разбираться, как она туда попала, просто поставят на щеку клеймо и отдадут тому, с кем она потеряла свою свободу. Вдова, воспитывающая сына в одиночку, обязана вести себя примерно.

Приказчик уже давно ушел по своим делам, а Хасит все сидел на чурбаке, рассматривая невидящим взором редкие облака в по-весеннему синем небе, и хмуро сопел, решая нелегкую задачку. И не мог даже предположить, что с той стороны ограды, прижавшись спиной к ее прохладной, шершавой поверхности, так же неподвижно сидит Малиха, с тоской поглядывая в сторону белеющих вершинами гор.

Как жаль, что не удалось проработать у Кахрима до середины лета, когда сходит снег с перевалов и собираются первые обозы на Ардаг. Придется уходить в соседний поселок и искать работу там. А потом возвращаться, в этом месте самая безопасная дорога в королевство, Малиха давно все выяснила. Хотя и там ее никто не ждет… а с теми, кто мог бы ждать, она сама оборвала все связи.

Но и оставаться здесь третьей женой у какого-нибудь заплывшего жиром приказчика и молча терпеть прикосновения его наглых пальцев было невероятно противно. Но еще невыносимее было знать: для всех его родных сыновей ее Кори будет приемышем и мальчиком на побегушках.

Женщина в последний раз вздохнула и легко поднялась на ноги, раз приняла решение, значит, нужно успеть все подготовить. Да и слишком долго разгуливать тоже нельзя, хозяин умеет ругаться очень обидно, стараясь задеть не ее, а сжимавшего от бессилия кулачки сынишку. Конечно… торговца нетрудно за это наказать, но она отлично знала, как мстительны и подлы бывают бывшие хозяева.

Во двор вдова вошла нагруженная вязанкой дров, которые ей давно должен был за услугу один из рыночных пекарей. За последние полчаса она пробежала по всем должникам и вытребовала с них долги, а за эти дрова забрала себе те монеты, которые хозяин выдал на расходы.

– Где ты так долго шлялась?

– Ну не вести же мне было всю толпу сюда! – вспылила служанка. – Вон Ахчар и так набросился с кулаками! Обозлился, как овод, начинаю бояться, что однажды ночью он придет с веревками и зельем.

– Я ему приду, – немедленно повернул свое раздражение в другое русло Кахрим, – запирай покрепче дверь, не спи с открытой.

– А может, мне на денек к прачкам поехать? – с сомнением произнесла Малиха. – Пока весенняя вода не спала, зимние халаты и покрывала выстирать. Они уже три дня как приготовлены.

– Хорошо, – подумав, решил хозяин и бросил ключ, который женщина ловко поймала на лету. – Запрягай ослика. Чем раньше начнете, тем быстрее закончите.

Служанка торопливо кивнула и заторопилась, сделав вид, будто не заметила его хитрости, ведь на сегодня она всю работу уже закончила. В конце концов, она и сама намерена сплутовать.

Через полчаса из задних ворот выкатилась высокая арба, нагруженная узлами, но никого это не удивило и не насторожило. Все соседи отлично знали, что Кахрим доверяет своей служанке развозить товары и разъезжать по хозяйственным делам. Но никто не мог знать, что вместе с хозяйскими вещами в арбе лежат и узелки Малихи, и прячется ее самая главная ценность – загорелый мальчишка на вид лет семи.

Первая часть плана удалась Малихе как нельзя лучше, впрочем, в этом она и заранее почти не сомневалась. Прачки обрадовались работе и не усомнились ни в одном ее слове, все-таки она привозит им работу уже почти год. И потому спокойно поглядывали, как женщина ставит возле сарая арбу, привязывает на пустыре ослика пастись и направляется к дальнему пригорку. Там, на склоне, можно было набрать ягод и лекарственных трав, не потоптанных и не объеденных скотом.

Некоторое время ее фигурка еще видна была среди кустов, потом куда-то делась, но никто не волновался, Малиха женщина хоть и молодая, но самостоятельная и ловкая, в обиду себя не даст. Как наберет трав, так и вернется.

Но она возвращаться и не собиралась. Едва свернув в незаметный от мостков ложок, сбросила кажущуюся беззаботность и почти бегом помчалась в сторону дороги на Сюн, где меньше часа назад спрятала в придорожных кустах вместе с узлами свое сокровище. Хоть и не должно в это время быть на дороге обозов с чуткими собаками, да и одинокие путники перед закатом не ходят, вот только материнская душа без тревог не живет.

Но обошлось. Все было на месте, и Кори, гулявший неподалеку от узлов, сразу настороженно поднял голову, едва заслышал ее шаги. Он вообще был очень чутким, ее мальчик, и Малиха не раз замечала летними вечерами, как он оглядывается на крышу за миг до того, как над ней пролетит летучая мышь. Вот если бы ему еще погулять по подземельям Святой Тишины, украдкой вздохнула женщина и сразу запретила себе думать на эту тему. Она сама закрыла себе туда все пути, когда девять лет назад ушла из монастыря за торемским торговцем. По большой любви ушла, искренне веря, что продлится она много-много лет.

– Ягод хочешь? – спросила заботливо и протянула лопушок, в котором алела горка мелкой земляники. Не удержалась, оборвала по пути несколько кустиков.

– Вместе с тобой. – Неуступчиво глянули на нее серые глаза, и Малиха умиленно вздохнула. Сын давно поймал мать на невинной лжи и знал, что она все вкусное пытается скормить ему. Потому больше и не попадается на объяснения, будто мать уже поела.

– Давай, – с улыбкой кивнула она и, сев на подсохший бугорок, первая взяла с лопушка ягодку.

– Мы совсем ушли от Кахрима? – не по-детски серьезно спросил Кор, когда ягод на листе не осталось.

– Да, – легко кивнула женщина, поднимаясь на ноги. – Нужно идти. До Сюна как раз к вечеру доберемся, отсюда всего четыре лиги.

Она не стала говорить, что еще зимой намеренно познакомилась с травницей, державшей в Сюне маленькую лавочку, и сделала все, чтобы с ней подружиться. За годы скитаний научилась заранее подыскивать себе пути для отступления.

– Это хорошо, – коротко одобрил Кор, и сердце матери кольнула боль.

Если ее терпеливый ребенок так рад уходу из дома, где у них была своя каморка и два раза в день миска похлебки, стало быть, заносчивый торемец успел всерьез ему чем-то досадить.

– Забудь о нем, – сказала коротко и с нажимом, крепко прижала к себе худое тельце, снова опустилась на пригорок и зарылась лицом в пахнущие солнцем русые волосы, – а в следующий раз говори мне сразу, если кто обидит.

– Я скоро вырасту, – пообещал мальчишка, обвив шею матери загорелыми ручками, – и буду работать. Тогда мы купим дом.

– Солнышко мое! – растрогалась мать и невольно оглянулась на белеющие вдали горы. – А я решила вернуться на родину. Там мы будем жить по-другому… нужно только перебиться до лета. Видишь те горы? За ними моя родина. Как стают на перевалах снега, так и уедем с обозом. Ты уже не маленький, сможешь выдержать переезд.

– Я сильный, – подтвердил Кор, и она согласно кивнула. – Могу хоть целый день идти.

– Ну, тогда давай поторопимся, я хочу получить у новых хозяев вечернюю миску супа, – решительно отстранила ребенка Малиха, хотя могла бы сидеть так бесконечно.

Глава 2

– Прости. Ты же умная женщина, должна была подумать, такими слугами, как ты, хозяева не разбрасываются. Хотя я была бы очень рада такой помощнице, но взять тебя не могу. Даже если сразу не разгромят «неизвестные» бандиты мою лавку и не увезут тебя, связанную, то потом мне за каждую пиалу соли и сахара втройне платить придется. И это я бы стерпела, так ведь покупать у меня тоже перестанут. Но сейчас не гоню, ночуйте. И покормлю, и в дорогу еды дам. И совет, если хочешь, конечно. Я бы пошла к рыбакам, они люди дружные, своих не выдают. И в сезон от ловкого работника не откажутся, а тебе еще и сынишка помогать будет.

– Спасибо, – искренне сказала Малиха, стараясь не смотреть в глаза притихшему Кору. – Я тебя понимаю. Мы уйдем пораньше, задами… как пришли, никто не узнает.

Намерена она или нет воспользоваться советом травницы, вслух говорить не стоит. Женщина, казавшаяся в Карьюме довольно бойкой, здесь, дома, вела себя очень осмотрительно. И спрашивать, нет ли у хозяйки проблем или врагов, Малиха тоже не собиралась, ей бы со своими справиться.

Под ночлег хозяйка отвела незваным гостям стоящий за двором пустующий сенник, где оставалось еще несколько охапок прошлогоднего сена, и выдала пару таких потрепанных кошм, что ни у кого не возникнет вопроса, почему они валяются в сеннике. На ужин принесла большую миску, полную крупных кусков вареного теста, щедро присыпанных мелко резанным мясом и луком. А когда забирала пустую посуду, подала Малихе обещанный сверток с припасами, как знак того, что не передумала, и к утру в сеннике никого не должно быть.

– Мам, куда мы пойдем? – тихо спросил Кор, когда за травницей захлопнулась дверь домика.

– Подумаю, – бодро фыркнула женщина, – утром все виднее. Спи, нам рано вставать.

Не говорить же ребенку, что у нее все давно просчитано и продумано? И потому к рыбакам она не пойдет ни за что. Хотя они и дружные, и своих не выдают, но и к женщинам относятся очень просто… и если бы она была обычной торемской вдовой, для нее не было бы в этом ничего шокирующего. Но торемские вдовы и третьими женами идут с удовольствием, какая-никакая, а жена, а это значит, будет у тебя и дом, и еда, и мужская ласка.

Но подобное не для женщины из знатного рода… хотя она и отказалась от него дважды. Первый раз, когда сбежала в монастырь, восстав против брата, решившего поправить ее замужеством свои дела, второй – когда ушла из монастыря. А потом еще от родичей мужа ушла, припомнила Малиха, а теперь вот от хозяина… и даже не от первого. Похоже, судьба у нее такая, все время куда-то убегать… хотя кто бы знал, как она от этого устала! И хочет уже иметь свой дом.

Нет, не так… даже не дом, домик, хижину, избушку… но обязательно свою, чтобы никто не проверял шкафы и не заглядывал в миску.

Рядом ровно задышал сынишка, и Малиха заботливо прикрыла его кошмой. Хотя весна уже повернула к лету, но ночами бывает прохладно. Поймав себя на том, что уже даже в мыслях называет себя Малихой, женщина горько усмехнулась. Так обозвала ее когда-то свекровь, не сумевшая или не захотевшая выговаривать чуждое имя Мальяра.

Рассвет встретил их на узкой тропке, ведущей к северному тракту, возвращаться к развилке Мали не захотела. Там можно столкнуться с торговцами, спешащими на ярмарку в Карьюм, а они люди очень любопытные и жадные. Никогда не откажутся от малейшей возможности втиснуть в свой тугой кошель хоть медяк. А тут сейчас никого, по этой тропке путники добираются до Сюра от тракта, где в это время еще пусто. Все, кто ехали с вечера, успели добраться до села, что лежит ниже, в долинке, а те, кто направляется в Шархем, городишко

лесогонов леса и плотников, настигнут Мали лишь к тому времени, как она с сынишкой добредет до постоялого двора.

Там, на перекрестье дорог, ведущих от нескольких поселков, обычно оживленно, и можно пристать к какой-нибудь семье, отправляющейся в Шархем за новой утварью или за досками для стройки. Лето для этого самая подходящая пора. Женщина собиралась попроситься на телегу к семейной паре или немолодым возчикам, телеги в ту сторону катят порожние, и от монетки за подвоз не откажется никто.

Перед тем как выйти на дорогу, Мальяра устроилась за густыми кустами и прилежно, как учили в монастыре, разрисовала лицо дешевыми красками, стараясь скрыть свой возраст. Иногда женщине даже жаль, что она смотрится моложе, чем на свои двадцать девять. А еще что волосы у нее светло-русые, а не жгуче-черные, как у чистокровных торемок. Да и серые, с прозеленью, глаза привлекают внимание незнакомых мужчин, потому-то она старается подводить их погуще и почаще держать опущенными.

– Ты стала старенькая, – тихо сказал Кор, немного подумал и добавил: – Сегодня я твой внук?

– Нет, солнышко… но если я скажу – прыгай, то ничего не спрашивай, прыгай в кусты и затаись в укромном местечке. Убегают по открытому полю только дураки… я же тебе объясняла.

А когда-то это растолковали ей, и тогда Мальяра даже не догадывалась, как пригодятся ей эти знания. Хотя ремесло ей определили – болтушка, но, как и всех, немного научили основным приемам других профессий. Жаль, она не успела закончить учебу. Как и все сестры, в ту осень Мали пробовала свои силы в роли компаньонки дочки градоначальника и по приказу капризной девицы отправилась на рынок за свежими персиками.

Любовь к молодому, стройному торговцу, восхищенно уставившемуся на Мальяру прекрасными черными глазами, обрушилась на девушку внезапно, как бурный вешний поток. Захлестнула, понесла… и притащила в далекий и чужой Торем.

– Ну, сохрани Святая Тишина, – привычно шепнула женщина, придирчиво осматривая себя и сына.

Все вещи не новые, но ладные, перешитые долгими зимними вечерами из обносков, которые она покупала по дешевке в лавке старьевщика. Стирала, порола, собирала из трех вещей одну, не забывая вставить несколько секретов, как делали в монастыре. А потом прятала подальше, не надевая даже по праздникам. И лишь эти вещи взяла с собой, оставив в каморке всю свою прежнюю одежду, чтобы хозяин не сразу сообразил, что служанка сбежала.

Кора она переодела по дороге, сунув его вещички в придорожный куст, а на себя поверх новой одежды накинула просторный старый балахон и невзрачный платок, которые взяла именно на такой случай. Не стоит недооценивать наблюдательность и жадность возможных попутчиков, а избавиться от ненужных вещей можно в любой момент.

Всадники появились сзади внезапно, и виновен в этом был холм, с которого дорога спускалась не напрямик, а пологими поворотами.

– Прыгай, – приказала Мальяра, разглядев краем глаза два силуэта, и ребенок испуганным зверьком шмыгнул под ближайшие кусты. Туда же полетел и маленький узелок с едой, а все крупные монеты изначально были спрятаны в невзрачном пояске мальчишки.

Сама женщина продолжала идти так же спокойно, лишь сбавила шаг, сгорбилась посильнее да начала прихрамывать. И, как заклинание твердя про себя просьбу Святой Тишине, до последнего надеялась, что неожиданные попутчики проедут мимо.

И ведь они уже проехали и Малиха почти поверила в удачу, как всадник, ехавший первым, вдруг развернул коня, загораживая ей дорогу, и с мерзкой ухмылкой осведомился:

– Ну, и кто это, такой смелый, шастает тут с утра пораньше?

– Езжайте с богом, люди добрые, – мирно проговорила Малиха дребезжащим голосом, начиная понимать, что договориться с ними будет очень трудно, густой запах перегара, казалось, потоком изливался из обросшего неопрятными зарослями рта.

– А ты нам не указывай, – прикрикнул второй, стараясь прижать женщину своей лошадью к коню приятеля, но она с неожиданной для старухи ловкостью ускользнула, и ему пришлось разворачивать коня.

А Малиха тем временем метнулась ближе к тому краю дороги, за которым склон уходил вниз, намереваясь уйти от них подальше и переждать где-нибудь в кустах, но первый всадник стегнул коня, и ей, чтобы не попасть под копыта, пришлось отскочить в сторону.

– А баба-то резвая, я бы с ней поиграл, – гнусно ухмыльнулся первый всадник и попытался концом кнутовища сорвать с Малихи платок.

Женщина снова увернулась, отлично понимая, что своими действиями только подогревает негодяев, и решилась на самый последний шаг. Выхватила припрятанную как раз на этот случай колючку акации и вонзила в бок лошади, туда, куда сумела достать. И сразу ринулась в сторону, взбешенное животное затопчет запросто. Но уйти далеко не успела, второй негодяй, не разглядевший, что произошло, и не понявший, почему лошадь приятеля скачет как сумасшедшая, пытаясь сбросить хозяина, тем не менее тоже озверел и со всего маху хлестнул строптивую селянку торемским кнутом, плетенным из конского волоса.

Удар пришелся по плечу, и не будь в платье особой подкладки, располосовал бы его и достал до тела, но и без того оказался так силен, а главное, внезапен, что женщина пошатнулась и споткнулась о какой-то колючий кустик. А кнут уже снова летел на нее, и Малихе, в попытке избежать удара, нужно было проявить чудеса ловкости. Ни подумать, ни воспользоваться каким-то из тех приемов, которые готовила на случай нападения, женщина не успевала, и в ее душе уже поднималось жгучее отчаяние. Но внезапно откуда-то из глубин разума пришло воспоминание о казавшемся намертво забытом умении, и в следующий миг тело само присело и сделало ловкий кувырок в сторону, уходя от удара. Вот только завязанный на затылке платок зацепился за кустик и слетел, открывая не по-здешнему светлые волосы, без малейшего намека на седину.

– Ах ты гадина! – взревел негодяй. – Актерка! Лови ее, Хаум!

Но Мали уже твердо стояла на ногах и горящим ненавистью взглядом следила за приближающимся врагом. Женщина успела приготовиться к бою, опущенная в карман рука сжимала один из кулечков с молотым жгучим перцем. Маленькая шкатулка с такими сверточками, заранее наготовленными из тутовых листьев, становящихся неимоверно хрупкими после высыхания, была ее последней надеждой на побег. Но о том, чтобы после этого свободно идти в Шархем, можно было забыть. Торемские мужчины никогда не прощают женщинам таких выходок. И хотя Мали уже успела понять, что эти двое коренными торемцами никогда не были, для нее это обстоятельство не меняло ровно ничего.

Негодяй крепче сжал кнутовище и злобно оскалился, приподнимая руку с намерением снова ожечь непокорную тугой плетью, но в морду лошади полетел кулечек с перцем. А Мали снова отскочила и теперь ждала, когда перец начнет действовать. Ей было очень жаль ни в чем не повинное животное, но она не надеялась, что сумеет добросить пакетик до всадника.

Он на миг оглянулся на приятеля, наконец-то справившегося со своим конем, и хотел что-то крикнуть, но не успел. Его собственная лошадь взвилась на дыбы, сбрасывая не ожидавшего такого сюрприза хозяина, и заметалась по дороге, заставив второго всадника благоразумно отступить. Малиха победно ухмыльнулась и шагнула к обрыву, но в тот же миг замерла статуей, расслышав приближающийся топот копыт нескольких лошадей и грозный мужской окрик:

– Хаум! Что у вас происходит?!

– Баба прыткая попалась, – с трудом уворачиваясь от бешено скачущего коня, отозвался тот, – что-то лошади сделала, гадина… забью, тварь!

Малиха, подхватив свой испачканный платок, торопливо замотала волосы, пытаясь сообразить, как действовать дальше. О том, чтоб сбежать, нечего было и думать. Отряду вооруженных всадников ничего не стоит ее окружить, кроме того, вдова ясно рассмотрела, как в руках у одного из них блеснул замками арбалет. Теперь нужно думать лишь о том, как бы увести их подальше от сына, чтоб он не увидел расправы над матерью, да о том, как после этого выжить. Не ради себя… ради Кора.

– Стоять! – рявкнул тот же голос так свирепо, и Хаум мгновенно заткнулся.

Все всадники остановились, и только один продолжал галопом мчаться к месту происшествия. Замерла и Малиха, отлично понимая, если она побежит сейчас, то это будет равнозначно собственноручной подписи под признаниями во всех грехах.

Не прошло и минуты, как конь командира, кем сразу определила незнакомца Малиха, замер, остановленный твердой рукой всего в нескольких шагах от нее.

– Откуда вы ее взяли? – ледяным тоном спросил подъехавший своих людей, окинув женщину быстрым взглядом.

– Так по дороге шла… – вскинулся Хаум.

– А вас отправили в дозор… – с презрением процедил командир, – чтобы ловить старушек?

– Да не старуха она! И волос светлый! А шустрая… как змея!

– А зачем вы ее вообще задевали? – Голос мужчины казался спокойным, но это было спокойствие готового взорваться бочонка с гномьим порошком.

– Так баба же…

– Значит, я отправил вас в дозор, чтобы не прозевать засаду бандитов, а вы вместо этого баб ловите? – почти нежно осведомился командир, и Мальяра начала робко надеяться, что сегодня Святая Тишина отведет от них с Кором беду.

Негодяи тоже отлично поняли, командир собирается наказывать вовсе не подлую торемку, и обиженно насупились, однако спорить не стали. Уже отлично знали, Лаис возражений не потерпит. Впрочем, он и нарушений своего приказа не потерпит… но если смолчать, то может, еще и пронесет.

– Свег и Орет, в дозор, – еле заметно мотнул головой командир, и двое всадников галопом проскакали вперед, – а вы ловите лошадь.

Последил за доставшими веревки спутниками и оглянулся на застывшую Малиху.

– Чем ты ее так?

– Перцем, – нехотя отозвалась женщина.

– И не жаль?

– Жаль, – честно призналась она и, яростно блеснув глазами, жестко закончила: – Жаль, что промахнулась.

И ведь не хотела так говорить, но что-то в тоне, да и в поведении этого человека разбудило в ее душе глубоко спрятанную гордость дочери знатного рода. А может, ее затронул облик командира, он тоже не был торемцем, судя по чуть более светлым, чем у нее самой, серым глазам.

– Тварь… – с ненавистью процедил напарник Хаума.

– Десять плетей, – ледяным тоном сообщил ему командир.

– Да за что?!

– Пятнадцать.

– Йэх, – оскорбленно фыркнул тот и стукнул пятками коня, намереваясь уехать, но почти сразу натянул поводья, услышав новый приказ.

– Стоять. Наказанные едут замыкающими! – Командир спрыгнул с лошади, сделал пару шагов в сторону молчавшей женщины и вежливо попросил: – Покажи метку.

Малиха молча отогнула платок и повернулась к нему правой стороной лица. Метка, темневшая на скуле между виском и ухом, ставилась на лицо каждой женщины, выходящей замуж. Совсем простенькая, похожая на крестик вначале, постепенно она обрастала дополнительными знаками. У Малихи их было два, кружок с одной стороны свидетельствовал, что она родила сына, а ломаная линия, закрывавшая другую сторону, означала, что потеряла мужа.

– Хаум! – В голосе командира перекатывалось бешенство. – Ты видел ее метки?

– Нет, – зло буркнул тот.

– Так увидишь, когда я сдам тебя старшинам Шархема. Додуматься напасть на свободную вдову!

Мужчины, находившиеся неподалеку и хмуро прислушивавшиеся к разговору командира и бывшего дозорного, помрачнели. Почти каждый из них имел жену и сыновей, и все знали, как нелегко придется их женам, если с мужьями, не приведи бог, случится беда. Потому-то так свято и соблюдался закон о вдовах, и нарушить его решались лишь самые знатные и богатые из торемцев. Да и то всячески старались создать видимость добровольного согласия вдовы, если очень хотели заполучить хорошенькую женщину в третьи жены.

– Господин… – до затуманенных вчерашней выпивкой мозгов Хаума начало доходить, что его ждет, – пощади!

Нескончаемо долгую минуту командир отряда презрительно смотрел, как здоровый бугай, разменявший пятый десяток, неуклюже ползет к его сапогам по дорожной пыли, и думал, с каким удовольствием он выполнил бы свою угрозу… но нельзя.

– Двадцать плетей. Обоим, – и испытующе взглянул на поправлявшую платок путницу. – Не знаешь, можно чем-нибудь помочь лошади?

– Вот, – протянула она приготовленный пузырек, – пять капель на кружку воды. Половину вылить на глаза и морду, остальное в рот.

– Тулос, действуй! И не забудь потом вернуть остатки, – отдал флакон одному из всадников командир и снова повернулся к женщине: – Ты в Шархем? У нас телеги пустые, довезем.

– Сама дойду, – тихо отказалась Малиха, мечтавшая об одном, чтобы они уехали как можно быстрее.

– Не упрямься, – мягко произнес он и пошутил: – Должны же мы возместить тебе перец?

Но она шутки не приняла, шагнула в сторону и непримиримо вздернула подбородок.

– Ну как хочешь. – Командир отстегнул с пояса кошель и бросил ей. – Лови.

– Спасибо, – ловко поймала неожиданно тяжелый мешочек Малиха, боясь радоваться своей удаче. – Но тут слишком много. Мой перец стоит дешевле.

– Не спорь хоть раз, женщина, – устало откликнулся он. – Купи сыну подарок, если самой ничего не нужно. Но от телеги зря отказалась, я обещаю, тебя никто и пальцем не тронет. А вот возле этой дороги банда бродит… потому мы и едем с оружием.

Про банду Малиха и сама поняла по его прежним словам, и еще поверила, что этот действительно не даст в обиду. Тяжело вздохнула и решилась.

– Ладно… только я не одна.

– А с кем? – нахмурился командир.

– Кор! – негромко окрикнула Малиха. – Иди сюда.

Мальчишка вынырнул из-под куста значительно ближе, чем она ожидала, стрельнул в замерших мужчин настороженным взглядом с зареванного личика и, метнувшись к матери, прижался к ней, крепко сжимая в одной ручке помятый узелок.

– Ну что ты, солнышко? – прижав сына к себе, расстроенно шепнула Мали. – Не нужно.

Но он вцепился в мать еще крепче, пряча в складках ее балахона лицо и не желая показывать его никому из этих людей.

А помрачневшие мужчины, представившие на месте этого мальчонки своих сыновей, мерили вчерашних дружков тяжелыми взглядами, обещавшими значительно более жесткое наказание, чем обычные плети.

Глава 3

Остановить телегу Малиха попросила шагов за триста до перекрестка, ей вовсе не хотелось, чтобы путники и жители городка связывали ее появление в этом месте с отрядом Лаиса, как называли командира его воины. Ясно ведь, какие пойдут слухи про женщину, приехавшую с отрядом из десятка мужчин.

Возница, успевший за пару часов пути узнать от своих приятелей подробности ее знакомства с командиром и проникнуться к женщине уважением, понимающе кивнул и натянул вожжи.

– Еду забери, – кивнул он на корзинку, которую принес кто-то из охранников, тайком наблюдая, как женщина, развязав узелочек, кормит помятыми пирожками не отлипавшего от нее мальчонку.

Но та, к его удивлению, отказалась. И откуда было знать вознице, провожающему недоуменным взглядом их сиротливо замершие на обочине фигурки, что Малиха уже сложила в свой узелок те продукты, которые не пропадут на жаре до вечера, и вовсе не собиралась таскать быстропортящееся вареное мясо и пирожки. Да и не берут обычно практичные селянки, отправляясь в путь, тяжелых круглых корзин.

Для этого есть узелки и маленькие туески, которые вешают на стеганое ярмо, крепящееся к поясу сзади и спереди. И у нее такое есть, забрала под кустом, куда, готовясь к бою, отшвырнула вместе с узлами.

– Мам, я правильно сделал, что не стал с ними разговаривать?

– Правильно, сынок. Нам они не приятели. У них свои заботы, у нас свои. Вот придем в Шархем, сниму комнату и пойду искать работу, а ты у меня останешься за хозяина. А пока придумай, чего тебе купить, тот воин… Лаис, дал мне денег. На портал там все равно не хватит… а до лета я заработаю.

На всех рынках Торема говорили про то, что зимой Ардаг договорился с Дройвией и маги дроу выкупили у почтовой гильдии все права на переходы. А потом во всех приграничных городах ханства словно по волшебству выросли портальные башни. И всех зажиточных торемцев и торговцев очень волновало это новшество, а особенно главный вопрос, цена перехода. Ведь если она окажется терпимой, то можно будет не рисковать жизнью, пробираясь по узким горным тропам, а носить товары прямо в Датрон и другие большие города. Да и лавки можно там открыть и ходить на родину за товаром и в гости так часто, как только позволят доходы.

Мечтала о портале и Мальяра. Однажды ей даже приснилось, как она входит в очерченный круг, сжимает наводящую капсулу и закрывает глаза. А открыв их, видит маленький пыльный поселок, глиняные дома и крыши, падающее в красноватую даль солнце и в отчаянии кричит: «Верните! Нас послали не туда! Это не Датрон!»

Но вскоре оказалось, что простой служанке не так-то легко заработать на портал для двоих. И хотя дети проходили за полцены, цена на переход все равно оставалась для них с Кором недоступной. Вот и пришлось Мальяре скрепя сердце отказаться даже от надежд на подобное путешествие. Теперь такая роскошь не для нее, с горечью вздыхала вдова, слушая разговоры торговцев.

– А там много денег? – оторвал Малиху от печальных мыслей Кор.

– Не знаю, солнышко. Считать при них было неприлично, в таких случаях радуются тому, что дадут. А садиться у дороги и считать сейчас мы тоже не станем, мало ли кто может догнать. Завистливых да злых людей много. Вот сниму каморку, там и узнаем, насколько мы стали богаче. Но кошель тяжелый, и даже если там одна медь, то все равно месяц можем жить спокойно.

– А может, там золото? – мечтательно загорелись глазки у малыша.

– Не думаю, – вздохнула Малиха. – Этот командир на дурака не похож. А умные люди золото прячут подальше, да и кошели с серебром на виду не возят. Чем надежнее припрячешь, тем целее останется. А медь под рукой носят для дела, конюху бросить, в харчевне расплатиться.

Командир отряда, въехавший в Шархем первым и остановившийся у ворот давно облюбованного постоялого двора, постарался скрыть досаду, когда, пропуская подчиненных, обнаружил в последней телеге вместо пассажиров лишь пустую корзину.

Но возчик заметил, как поджались твердые губы мужчины, и тихо буркнул:

– У перекрестка осталась.

– Ее дело, – безучастно отозвался Лаис и занялся делами. Нужно было разместить на отдых охрану и отправить телеги под погрузку.

Завтра рано утром им предстоит двинуться в обратный путь. И у него просто нет ни минутки свободного времени, чтобы тратить его на женщин, даже таких необычных. Но смешно не признаться хотя бы самому себе, как она его заинтриговала. До этого дня Лаис не мог даже представить, чтобы торемские женщины сумели сопротивляться двоим воинам и при этом почти победить. Хотя командир мог бы с полной уверенностью утверждать, что перец был далеко не последним сюрпризом в ее арсенале. И значит, не стоит говорить о том, будто незнакомка уже сдалась к тому времени, как он с отрядом выехал на холм. Это именно их появление заставило ее прекратить схватку, и теперь он понимает, почему. Она не желала делать сына свидетелем страшной картины, и командир безмерно уважал ее за эту самоотверженность.

И пусть говорят обратное ничего не понявшие воины, но он-то отлично заметил, с какой ловкостью и грацией она двигалась, и ее кувырок через голову тоже рассмотрел. Так не движутся те, кто не повторил это сотни раз, и значит, ее где-то учили. Лаис даже подозревал, где и когда видел подобные движения и заранее заготовленное нехитрое и незаметное оружие. И в таком случае сам напрашивался вопрос, почему она не работает телохранителем какой-нибудь богатой вдовы, а бродит с ребенком по дорогам ханства?

Хотя, еле заметно хмуро усмехнулся мужчина, кому, как не ему, знать, как непреклонна бывает порой судьба, не дающая ни на шаг сойти с определенной ею тропы. Он и сам много лет жил не своей жизнью, занимался не тем, чем хотел, и даже любил не тех женщин, которых выбрал сам. Да он даже имя все эти годы носил чужое! Да и сейчас судьба снова заставила жить не под родным, и даже не под тем, к которому привык.

Что уж тогда говорить о бедной вдове с ребенком на руках, вынужденной, если он правильно понял по ее узелкам, скитаться в поисках лучшей жизни? И можно только догадываться, откуда исходит большая часть ее напастей. Несомненно, от ее необычной для торемок внешности, хотя женщина очень ловко это скрывает. Он и сам не сразу рассмотрел, какого цвета у нее глаза. Темно-серые, а не черные, как у всех местных женщин. И если бы она не потеряла в прыжке платок, то и волос никогда бы не увидел. Именно того мягкого русого цвета, каким славятся женщины его родины и какие так хочется потрогать.

Демонская сила! – спохватился мужчина, обнаружив, до чего дошел в своих размышлениях. Похоже, нужно сходить вечером в бани и немного развлечься, нельзя все время так усердно работать, даже если от этой старательности зависит, поверит ли новый господин в его преданность.

Лаис повелительно махнул рукой своему помощнику и решительно направил лошадь в сторону ворот, приказав себе больше не думать о незнакомке.

Комнатушку Малиха нашла не сразу, хотя крестов, намалеванных на воротах мелом или охрой, в Шархеме хватало. Были еще написанные тхинской зеленью и изредка – дорогой лазурью, но мимо них Малиха проходила, даже не оглянувшись. Самые дешевые комнатки сдавали именно там, где крест нарисован мелом, побогаче – охрой. А все остальное, дома с садом или комнаты для знатных господ – теперь не для нее.

Но и среди тех, кто сдавал простое жилье, выбирать нужно было осторожно, обязательно расспросить и кто хозяин, и сколько у него жен, и есть ли другие квартиранты. Да и про собак, и правила, какие требовал исполнять хозяин жилья, следовало разузнать заранее.

Наконец ей повезло, сдавалась крохотная комнатка с отдельным выходом в небогатом домике. Старушка-хозяйка зарабатывала на жизнь, сдавая две из трех маленьких комнатушек, и обе как раз оказались свободны.

– Может, сынишке отдельную снимешь? – с надеждой спрашивала женщина, наблюдая, как новая жиличка ловко выметает оставшийся от прежних квартирантов мусор и пыль.

– Мал он еще отдельно жить, всего шесть лет, – привычно соврала Малиха, хотя Кору было почти восемь, – но вот если будешь присматривать, чтобы никто не обидел, пока я работу ищу, то приплачу пару медяков.

– Присмотрю, как же не присмотреть, – обрадовалась легкому заработку старуха, сразу видно, мальчонка тихий, не балованный.

– Ну и хорошо, – устало вздохнула Мали. – Так где, говоришь, у тебя кипяток? Мы спозаранку в пути, чайку бы попить, да пойду я.

Вопрос про чай сразу унес проворную старушонку прочь, и квартирантка лукаво ухмыльнулась. Разглядела она, когда обходила двор, еще не разожженный очаг и котел, в котором пока не было не только кипятка, но и холодной воды.

– Беги, погуляй, – кивнула Малиха сыну, – а если сюда кто-то направится, прибеги предупредить. Я мешочком займусь.

Кор молча кивнул и отправился во двор, а женщина расстелила на столе платок и решительно высыпала на него деньги. И хотя сразу, еще развязав шнурок, заметила светло мелькнувший между медью край серебрушки, на миг опешила, обнаружив в рассыпавшейся по платку звонкой кучке монеток и пару золотых.

– Ненормальный, – ругнулась расстроенно, мало того, что разбрасывается такими деньгами, так еще и не предупредил ее ни словечком, ни намеком!

А ну как не была бы она такой осторожной или терпеливой и поторопилась сосчитать деньги в телеге или под кустом? Ведь за такую сумму злодеи не пожалеют ни ее, ни мальчишку, под тем же кустом и прикончат!

Золотых монет оказалось целых три, и они мгновенно отправились в самый надежный тайник, потом по потайным карманам попряталось серебро. Медные монеты Малиха рассортировала и поделила, крупные ссыпала в подаренный кошель, а мелкие в свой, потертый, заплатанный и тощий. Такой порядочному жулику даже красть совестно. Ведь у воров, как слыхала Малиха, принято хвастаться друг перед другом награбленным добром.

Покончив с деньгами, вдова вскочила с места и принялась за уборку. Теперь ее сжигало нетерпение, портал, всю весну казавшийся недостижимым чудом, вдруг стал намного ближе, и Мелихе нестерпимо хотелось как можно быстрее выяснить, сколько нужно заработать еще, чтобы оказаться по ту сторону Южного хребта.

– Мам, там бабушка говорит, что чай готов, – прибежал с улицы Кор и вопросительно уставился на мать.

– Были, – одними губами шепнула она, – сейчас схожу, посмотрю, сколько стоит переход. – И громче добавила: – Уже иду, только мусор соберу, чтобы снова не растащить.

Малая пирамидка, стоявшая в кабинете хозяина самого большого мебельного магазина, где Лаис по приказу господина сделал месяц назад заказ, коротко блеснула, и над ней повис почтовый пенальчик.

– Это вам, – рассмотрев начертанное на нем имя, учтиво подал гостю письмо торговец.

Лаис небрежно кивнул, взял письмо и быстро пробежал глазами, сохраняя самое невозмутимое выражение лица, хотя хотелось выругаться от досады. Вот ведь демонское отродье, и

что ему тут нужно? Теперь не придется отдохнуть так, как мечталось. Но приказ есть приказ, придется идти встречать.

– У меня срочное дело, – отставив кубок с дорогим вином (принимать выгодных клиентов здесь умели), командир поднялся с низкого удобного кресла. – Проследите сами за погрузкой. И учтите, если я обнаружу хоть царапинку…

– Не тревожьтесь, уважаемый господин Лаис! Все упаковано в самые мягкие кошмы и циновки! Я лично проверял! Мое имя знают за пределами Торема!

– Посмотрим, – холодно усмехнулся гость и вышел прочь.

Глава 4

– Кофе, – небрежно бросил подавальщику господин Тейлах, входя в прилепившуюся к портальной башне харчевню.

Предприимчивые торговцы открыли ее почти одновременно с башней, моментально сообразив, что у тех, кто ходит порталом, обычно достаточно денег, но мало времени и терпения.

Свободная ниша, маленькая комнатка, с занавешенной гирляндами из деревянных бус аркой, нашлась сразу, в этом заведении всегда было пустовато и тихо, и это особенно ценили богатые клиенты.

– Вижу по тебе, что у вас все в порядке, – едва подавальщик расставил по столу чашки и блюдо с печеньем, важно заявил Тейлах Лаису, и тот согласно кивнул, привычно скрыв рвущуюся на губы едкую усмешку.

Трудно не сделать подобный вывод, если посылаешь письмо в мебельный магазин, и через десять минут вызванный тобой подчиненный послушно ожидает в нижнем зале портальной башни.

– Позвал тебя сообщить, что намерен нанять тут несколько служанок и они поедут с вами. Купишь для женщин закрытую повозку.

– А ближе нельзя было найти? – сделал недовольное лицо командир охраны, хотя и сам понимал, почему они не хотят искать ближе.

Но лучше прикинуться дураком, с дурака меньше спрашивать будут.

– Нет, – коротко ответил Тейлах, и его собеседник сообразительно промолчал.

Нетрудно понять, отчего господин Тейлах не желает отвечать на подобные вопросы. Хотя и служит ему Лаис очень недолго, всего пару месяцев, главное уяснить уже успел. Судя по той секретности, с какой возводится его замок в диком ущелье, выходящем в крохотный залив на самом пустынном побережье океана, хозяин категорически не желает, чтобы кто-то знал о его существовании.

И это наводило Лаиса на очень мрачные мысли относительно той части контракта, где было сказано, что его можно разорвать в любой момент. Но воин пока гнал их от себя. Не для того он туда нанимался, чтоб уйти так рано.

Ему невольно вспомнился маленький городок в западных предгорьях, ледяная, пронизывающая поземка, вымевшая с вечерних улиц всех гуляк. И соседняя с мэрией харчевня, куда он зашел поужинать, отпустив последнего просителя. Разумеется, в тот вечер он мог поесть в своих комнатах или отправиться в дом мэра, куда его усиленно приглашала хозяйка, видевшая в столичном дознавателе отличную партию для одной из племянниц. Но в тот раз у уставшего графа Феррез не было никакого желания слушать щебетанье девиц и разгадывать прозрачные намеки и взгляды. Хотелось спокойно посидеть за столом, послушать печальные песни немолодого певца, развлекавшего публику в этой харчевне, съесть кусок жаренного на вертеле мяса и выпить полбокала горячего грога.

И когда к его столу неторопливо направился один из посетителей, в первый момент дознаватель даже не заподозрил, что эта встреча далеко не случайна.

– Привет! А я тебя не сразу узнал, – заявил подошедший. – Можно сесть?

Как он мог сказать «нет», если они несколько трудных лет жили рядом и были почти друзьями? Ведь настоящих друзей он так и не сумел тогда завести, и не потому, что не хотел… кто же не хочет?! Попросту не желал рисковать хорошими людьми. Знал, что каждый, кого он подпустит поближе, вмиг станет его слабым местом. И одновременно жертвой.

– Конечно, зачем спрашиваешь? Тебе заказать еды или выпить?

– Ничего, я не голоден, и деньги у меня есть. Хотел немного поговорить. Вижу, ты нашел себе работу?

– Ну, у меня же нет наследства или имения, – спокойно пожал плечами Гартлиб, никого не посвящавший в свои дела по очень веским причинам.

– И много тебе платят?

– Явор, ты задал невежливый вопрос.

– Извини. Просто я хорошо знаю, чего ты стоишь на самом деле… и знаю, сколько получают дознаватели.

– Тогда зачем спрашиваешь? – поднял бровь Гартлиб, начиная понимать, что за ним следили, и стало быть, Явор задает свои вопросы неспроста.

– Меня попросили предложить тебе свободный контракт с оплатой в три раза больше, чем ты получаешь сейчас, – не стал темнить бывший товарищ по несчастью.

– И где такое замечательное место? – не удержался от колкости Гарт. – Точнее, я хотел спросить, за какую работу так щедро платят?

– Работа тебе знакома, командир охраны, – открыто напомнил Явор графу его службу Зоралде. – Обязанностей, конечно, много, но и прав хватает. Только одно условие: никакой переписки и никаких встреч с родственниками и знакомыми. Зато через пару лет сможешь купить неплохое поместье, за точное выполнение условий дают большую премию.

А за малейшее нарушение – прибьют, мысленно продолжил Гартлиб. Но уже понимал, что отказаться не сможет. И вовсе не из-за денег. Расследование, которое провел Змей и в котором Наерс и его люди, а также придворный маг принимали самое непосредственное участие, постепенно зашло в тупик. И хотя было выловлено несколько палачей и агентов проклятой ведьмы, однако ни до чего более серьезного докопаться так и не удалось. Конечно, можно было бы счесть всю натащенную Зорой грязь вычищенной из королевства, умыть руки и радоваться жизни.

Вот только этому мешали несколько случайных намеков, таких слабых, что могли бы показаться выдумкой. И тем не менее были настолько реальны, сколь и загадочны, и потому ищейки и дознаватели продолжали упрямо просеивать слухи и проверять малейшие подозрения. Вот и это предложение работы было из области таких загадок, и именно оттого Гартлиб счел себя не вправе отказаться и просто пройти мимо.

– Только учти, если ты согласен, – заявил пристально наблюдавший за дознавателем Явор, – то уйти придется прямо сейчас.

– Ты меня за идиота принимаешь? – почти искренне развеселился Гарт. – А вдруг тебе заплатил какой-нибудь обиженный проситель? И вместо хорошей работы я получу нож в живот? Ну, ведь только круглый дурак встанет и пойдет неизвестно куда просто так, без гарантий и объяснений.

– Нет, не принимаю, и рад найти тебя все таким же осторожным и рассудительным. Надеюсь, твоя смелость, Кэнк, так же осталась при тебе. Рядом, в отдельной комнатке, ты получишь все гарантии и поймешь, что живой ты нужнее важным людям, чем мертвый. Если опасаешься меня – иди один, но клянусь всеми святыми, я никогда и ни за какие деньги не взял бы контракт на твое убийство.

И ему было трудно не поверить, в таком недавнем и таком трудном прошлом им не раз случалось вставать рядом с мечом в руках, спасая друг друга.

– А можно просто посмотреть сначала на контракт и того, кто представит гарантии, а потом решить? – для вида поторговался Гартлиб, хотя они оба понимали, что свой выбор он уже сделал.

– Идем, – кивнул Явор.

В комнатке перед разложенными на столе бумагами на стуле с очень высоким сиденьем сидел маленький румяный мужчина в мохнатой круглой шапочке и важно поглядывал хитрыми глазками.

Да, это действительно серьезная гарантия, понял через минуту дознаватель, сломав печати на конверте с контрактом и узнав сумму подъемных, которую немедля после подписания зачислит на его счет гном. И отлично сознавал, как наивно и по-детски прозвучит после этого любое упоминание о вещах и оружии, оставшихся в комнате для офицеров гарнизона. Да и, кроме того, никуда они не исчезнут, будут ждать его возвращения. Если он, конечно, вернется. А вот в этом у Гартлиба возникли сильные сомнения, особенно после того, как он прочел главные требования неизвестного нанимателя. Тому требовались его умения, но вовсе не нужна была известность графа среди бывших осужденных и дознавателей. И потому одним из главных условий была смена имени и облика. Вот потому-то зовется он теперь Лаисом и носит, не снимая, командирский амулет, в котором заложено искажение внешности. Слабенькое… но вполне достаточное для того, чтоб никто из родичей или прежних сподвижников не узнавал с первого взгляда.

– Я уйду сразу же, как подберу подходящих женщин, – важно пояснял Тейлах, лениво кроша в пальцах печенье. – Посели их в надежном месте и охраняй в дороге. Запрети воинам и близко подходить.

– А кто будет их кормить и провожать гулять? – с сомнением прищурился Лаис, вовсе не желавший брать на себя эту работу, но начинавший подозревать, что именно за этим его и позвали.

– Придется тебе самому, – подтвердил его подозрения господин, – но можешь назначить помощником кого-нибудь понадежнее, к примеру, Тулоса. В замке не нужны горничные, якшающиеся с охранниками… сам понимаешь.

Лаис сделал кислое лицо, изображая недовольство такими сложностями и вовсе не желая показывать свою понятливость. Он почти с первых дней начал догадываться, что Тейлах в том замке не более чем дворецкий, временно изображающий хозяина. Так резко отличались порой его высказывания и поведение от приказов, которые он выдавал на следующий день.

– Само собой, эта работа будет оплачена отдельно, – снисходительно утешил командира охраны Тейлах, – и очень хорошо, не сомневайся. У тебя уже есть соображения, где поселить женщин?

– В городе полно объявлений о сдаче хороших домов, – буркнул Лаис, пытаясь сообразить, не означает ли наем горничных, что в замке скоро появится хозяин? Или… хозяйка, ведь не лакеев же они собираются взять?

– Хорошо, иди и сними приличный дом, – согласился господин, неохотно вытаскивая из кресла свое округлое тело, – а я пока схожу к главе посредников, дам ему задание подобрать подходящих женщин. Встретимся здесь через пару часов, обед я закажу заранее.

Бросил на стол серебрушку и первым вышел прочь. Лаис спокойно допил кофе, раздумывая, откуда начать поиски дома, чтобы завтра утром не везти нанятых служанок через весь город. В том, что Тейлаху удастся найти сколько угодно желающих, он не сомневался, по весне в такие крупные городки, как Шархем, стекались все, у кого кончился зимний контракт. За несколько монет несколько посредников, объединившихся в ватажку с громким названием «гильдия», давали каждому ночлег в одном из домишек неподалеку от базара и подыскивали нового хозяина, получая от богатых нанимателей за скорость и услужливость щедрое вознаграждение.

Лаис хмуро вздохнул, сунул ради поддержания легенды о своей скаредности в карман серебро Тейлаха и сыпанул взамен несколько медяшек. Кофе он пил тут часто и цены знал отлично.

Неторопливо выйдя на высокое крыльцо, остановился, по привычке обвел внимательным взглядом небольшую площадь, распахнутые створки солидной двери в портальную башню, снующий по делам народ и стоящих у доски с расценками на переход ротозеев.

И вдруг его словно кольнуло в подреберье, одну из женщин, скромно стоящую чуть в сторонке, но просматривавшую цены, он узнал. И стыдно ему было бы не узнать, она была все в том же выцветшем платье, только платок повязала по-другому, очень низко надвинув на лоб и прикрыв свободным концом губы.

Демонская сила, лихорадочно бились в голове Лаиса мысли, ведь он же еще там сообразил, что она не торемка! Так почему же сразу не понял, ради чего она идет в Шархем и ведет своего сероглазого сына! Разумеется, не просто решила переселиться, а направлялась именно к портальной башне! Значит, решила вернуться на родину…

Ну, вот чего стоило ему добавить в кошель несколько золотых или незаметно сунуть их вдове, когда объезжал отряд последний раз? И как это сделать сейчас, чтобы не привлечь внимание одного из шпионов Тейлаха?!

Про то, что лжегосподин никому не доверяет и всюду таскает за собой нескольких соглядатаев, а в замке вокруг него иногда крутятся доносчики, Лаису осторожно намекнули те из охранников, кого он знал раньше и кто через некоторое время узнал его, несмотря на амулет.

Несколько минут командир со скучающим видом постукивал носком сапога по крыльцу, изображая бездельника, потом, когда женщина побрела в сторону рынка, где можно было за монетку узнать о нанимателях или даже получить дешевую работу, неторопливо пошагал следом. И никто бы не понял по лицу высокого широкоплечего мужчины, безучастно озирающего пометки на воротах и вывески, что он отчаянно ищет способ, как хоть минутку поговорить со скромно одетой вдовой или хотя бы сунуть ей в руку приготовленное золото.

Лаис уже вычислил, куда она идет, и придумал несколько простеньких способов, как на виду у всех нанять женщину на какую-нибудь несложную работу. Например, почистить рыбу или отнести сладости несуществующей возлюбленной. Но когда вдова проходила мимо лавки старьевщика, рядом с ней неожиданно возник мужчина.

Неверящим взглядом командир смотрел, как их недавняя спутница внимательно слушает жилистого торемца средних лет, а затем покорно сворачивает за ним в сторону дешевой харчевни. Что-то вмиг разбилось в его душе, и из благородного спасителя несчастной соотечественницы Лаис разом оказался преследователем чужих женщин, а эта роль была ему много более ненавистна, чем любая другая.

Глава 5

– Малиха! – Звук знакомого голоса ударил женщину по нервам, побуждая подхватить подол платья и стремглав бежать прочь, но тренированная выдержка не подвела, и вдова покорно остановилась, глядя, как от лавки, где торгуют поношенной одеждой, к ней стремительно приближается слуга соседа.

Того самого Васана, что жил наискосок напротив.

– Не бойся, я тут один, – заметив, как побледнела женщина, поспешил успокоить Хасит и осторожно потянул ее в сторону. – Я тоже сбежал… но давай поговорим в другом месте? Тут на нас все смотрят.

Он имел в виду вовсе не торговцев, а статного иноземца в добротном костюме наемника, рассматривающего их почти в упор. Однако наемник внезапно свернул в сторону и решительно пошагал прочь, словно по своим делам. Хасит выдохнул тревогу, но до конца пока не успокоился, его природная смекалка и профессиональная недоверчивость заподозрили в действиях незнакомца какой-то подвох.

Малиха ничего этого не заметила, пытаясь сообразить, стоит ли верить вору, хоть и бывшему. Как известно, у них совести нет, и с честными глазами вытащат последний медник у старухи и продадут за серебрушку ближнего.

– Я клянусь… чем хочешь, именем матери… – В голосе Хасита скользнуло отчаяние, и она решилась.

Все равно убежать от него не удастся, Хасит ловок и силен, а ей не следует показывать здесь свои тайные умения. Еще сочтут ведьмой, а Торем к таким нетерпим. Как, впрочем, и к большинству магов, и то, что хан дал ардагскому королю разрешение на открытие порталов – большое чудо. Или большая выгода для ханской казны, если точнее.

– Идем.

В харчевне Хасит выбрал столик на улице, в глубине двора, под огромным старым орехом, заказал чай и еду, и едва подавальщик убежал, приступил к рассказу.

– Ты сильно задела Ахчара, – зорко поглядывая по сторонам, шептал вор, придвинув голову к уху бывшей соседки, и со стороны казалось, будто это обычное ухаживание, – он обозлился и решил тебя украсть.

Малиха молчала, пока он не открыл ничего нового, но говорил правду, и это давало надежду, что вор не солжет и дальше.

– Сама понимаешь, приказчик заставил меня помогать… а я не мог отказаться, Васан же выкупил мою свободу…

И это она знала. Впрочем, это знали все. Выкупленные из тюрьмы мелкие преступники, воры и жулики становятся для своих хозяев полными рабами на весь срок, какой отмерили им судьи. А отвешивают те не скупясь, чтоб покупали подороже. Сплошной доход казне и в камерах не тесно. Но снова не стала ничего говорить.

– Через забор я его переволок, – едко хихикнул вдруг Хасит, – и на крышу влезть помог, но дальше не пошел, сказал, что мне, если поймают, плаха светит. Но пообещал вытащить обратно и даже веревку оставил…

Мужчина снова тихо засмеялся, вспоминая, как зло шипел Ахчар, как полз по почти плоской крыше к люку, через какие жители мазанок выбираются в жаркие летние ночи, чтоб поспать на свежем воздухе. И жуткий визг, с которым откормленный приказчик вдруг рухнул вниз.

– Скажи… что ты там сделала… почему он свалился, как камень в воду? И чем так гремел? Про то, как он орал, говорить не буду… весь квартал проснулся. Пришлось мне уходить,

всю ночь топал. Хорошо хоть, все добро ношу в поясе, а то пришлось бы обет нарушать, руки пачкать…

– Так мы ведь стирать поехали, – нехотя призналась Малиха, – вот и смазала крышу коровьим навозом, чтоб высохла к возвращению. А возле люка глина высыпалась… пришлось налепить побольше. Ну а чем он там гремел, не знаю, лестницу я в сторонку отставила, чтоб край не помять… а чтобы навоз не капал, старые лохани и бадейки подставила.

– Навоз… – давился хохотом вор, представляя, как искали ноги приказчика перекладины несуществующей лестницы и как скользили по вонючей жиже его пальцы, ища, за что бы зацепиться, – нет, я бы не догадался… и не придерешься.

– Так может… тебе лучше вернуться? – осторожно спросила Малиха, уже зная, насколько это плохой совет.

Не простит ему ни приказчик, ни торговец такого позора, над ними же теперь полгородка хохотать будет, когда разберутся в произошедшем.

– А ты не подумала, – резко оборвав смех, глянул на нее Хасит острым взглядом, – что они будут нас вместе искать? Я ведь немного тебе соврал… извини. Не сразу сбежал, полежал на крыше в соседнем дворе, подслушивал. И знал уже, куда ты уехала, когда бежать решил. Полночи шел и думал, как бы тебя уговорить, чтоб не возвращалась, Кахрим на полгорода кричал, что он сам намеревался тебя в третьи жены взять. А когда я к прачкам пришел, застал там переполох, ищут, куда ты делась. Вот после этого все сложил, про мальчишку вспомнил и понял, что ты сбежала. А сюда не случайно шел, и за порталом издали следил…

– Как ты мог узнать, куда я пошла?

– А куда тебе еще идти? Замуж ты не хочешь, это понятно, я-то вижу, что ты не прихорашиваешься, как другие вдовушки, а наоборот, чучело из себя делаешь. Да и ведешь себя не так… у меня глаз острый. Но одной тебе трудно, значит, решила на родину… кто-то говорил, будто тебя муж из Ардага привез. Я правильно рассудил… как оказалось. Так скажи честно, уходишь или нет?

– Для того, чтоб уйти, деньги нужны… – хмуро усмехнулась Малиха, – а Кахрим щедростью не отличался.

– Так он специально тебя прижимал, чтобы долго не уговаривать, – пояснил вор, – значит, тебе еще придется тут пожить… тогда давай решать, куда пойдем. Я тут подумал, нужно нам вместе держаться.

– Плохо подумал, – отрезала женщина. – Вместе нас быстрее поймают.

– Ох и дура! – рассердился вор и смолк, завидев спешащего к ним подавальщика. – Тсс.

Он дождался, пока парнишка выставит на стол еду и чайник, сразу расплатился и принялся ловко раскладывать мясо и овощи на тонкие пресные хлебцы.

– Умеешь это есть?

– Конечно, – забрав свою долю, отозвалась Малиха, начиная понимать, в чем просчиталась.

А еще, как права была травница, что не оставила их у себя… хотя и смолчала, всей правды не открыла. Зато совет дала самый верный… жаль, бесполезный. Но и Хасит не прав, по одному или вместе их все равно найдут. Святая Тишина, ну вот почему она такая невезучая? Или несообразительная? Нужно было уходить в начале весны, едва подсохли дороги. Нет, решила ждать обоз! Вот и дождалась.

– Ты ешь и не переживай, я все продумал. Сегодня они еще сюда не доберутся, и мы успеем наняться на работу в какой-нибудь маленький поселок, куда никто не хочет ехать. И не бойся, в жены я тебя не зову и принуждать не собираюсь. Просто помогу тебе, скажусь назначенным наставником… ведь мог твой муж такого определить? Пусть кто-то попробует доказать, что не меня.

– Кто тебе поверит, – горько хмыкнула Малиха, – ты же с меткой вора ходишь!

Хотя не могла не признать, план был бы неплох. Многие мужчины в Тереме, занятые опасными ремеслами или торговлей, назначают едва родившимся сыновьям наставников и выбирают обычно надежных и верных друзей, иногда подкрепляя свое доверие счетом в гномьем банке. И если случится худшее, названный становится сироте вторым отцом, не посягая на место рядом со вдовой.

– А вот тут ты мне поможешь, – еще тише шепнул Хасит, – ты женщина смелая, а зелья я давно достал… нужно только местечко тихое найти.

– Но это же больно! – нахмурилась вдова, кое-что слыхавшая про такие хитрости, и мельком глянула на скулу мужчины, словно случайно занавешенную смоляной прядью.

– Я и сонное снадобье купил… сильное, выпью и ничего не почувствую. Кроме тебя, мне некому доверить… в гильдию я идти не могу, продали они меня. А тебе я клятву на крови дам… кому хочешь.

– Святой Тишине, – само сорвалось с губ женщины, и взгляд вора уважительно построжал.

– Хоть ей самой. – Откуда-то в его руках появился тонкий стилет, свечка и лист бумаги.

Через полчаса они входили в маленький дворик, с намалеванным на воротах меловым крестом.

– Вот, бабушка, привела тебе хорошего квартиранта, случайно встретила. Это Хас, – весело щебетала Малиха, специально сокращая имя своего подельника, Хасимов, Хаситов, Хасанов и Хасаев в Тереме было едва ли не столько же, сколько бродячих собак, – друг моего покойного мужа, он проводник, на одном месте не сидит, но несколько дней тут поживет. Сваришь похлебку на всех?

Весело улыбаясь, вдова вручила старушке камышовую плетенку с рыбой. Шархем стоял на берегу полноводной реки, берущей начало в ущельях Южного хребта, откуда весной и летом лесогоны сплавляли бревна, и рыба всегда была здесь самой дешевой едой.

– Вот спасибо, милая, – обрадовалась старуха, одной рукой крепко прижимая к животу рыбу, а другой пряча в бездонный карман полученную от нового жильца монету. – Так покажешь ему комнатку сама?

– Да ему и сынок мой покажет, – небрежно отмахнулась Малиха. – Кор, сынок! Ты же помнишь дядю Хаса? Покажи ему, как пройти в ту комнату, которая свободна.

Старуха на миг задумалась, как же может дите не помнить отцовского друга, если мать ведет себя с ним, как с дорогим родичем? Но настырный запах рыбы мигом повернул мысли женщины в другую сторону. Поставив плетенку на низкий колченогий стол, она торопливо побежала искать заточенный зубчиками черепок, которым привыкла чистить чешую.

Снотворного в миску хозяйки Малиха капнула, пока та бегала в свою комнату за блюдом для свежих хлебцев, которые Хасит купил у проходившего мимо торговца, прихватив заодно и медовых пряников к чаю. Намалеванный мелом крест к этому моменту уже исчез с ворот, умело затертый квартиранткой.

Она же помогла старушке добраться до постели, когда та, разомлев от обильной еды и зелья, начала засыпать прямо за столом.

– Кор, – вернувшись, серьезно сказала Малиха необычно молчаливому сыну, – у нас неприятности. Нас ищут. Хасит говорит, Ахчар хотел меня украсть и упал в те лоханки, что я поставила под люком. Хас хочет нам помочь, назовется твоим назначенным наставником, а я помогу ему скрыть метку, чтобы никто не донес. Сейчас он выпьет зелье и заснет, я займусь делом, а ты играй во дворе, и если кто-то войдет, беги предупредить или кричи.

– Ты разговариваешь с ним, как со взрослым, – заметил начинавший нервничать Хасит. Не так-то легко решиться отдать себя в полную власть полузнакомой женщине.

– Кор очень умный и давно все понимает. И хорошо знает, что нам нужно быть очень осторожными, – нежно глянула на мальчика женщина. – А ты, если не передумал, пей зелье и шагай в свою комнату, скоро темнеть начнет!

– Выхода другого нет, – мрачно обронил вор, нацедил в ложку зелье и вылил себе в рот. – Гадость. А ты не забыла, что нарисовать?

– Нет. Иди уже, таскать тебя я не буду.

– Мам, ты выйдешь за него замуж? – серьезно спросил Кор, когда за мужчиной закрылась дверь.

– Нет, сынок, – так же серьезно ответила Малиха, – это просто деловой договор. Чтобы семья получилась дружная и крепкая, нужно очень любить человека, за которого выходишь замуж, а Хасита я не люблю. Ну, беги играй и следи за воротами. Пошла я.

Глава 6

– Ты хорошо проверил?

– Да, господин, – преданно смотрел на богатого заказчика услужливый посредник, – и сам смотрел, и всех наших предупредил. Женщин много, но все черноглазые.

– А ни одна не предупреждала, что будет с ребенком?

– Было двое. Но дети не подходят, да и сами они совсем не такие. Но вы не волнуйтесь, господин, может, она сегодня отдыхала с дороги? Или жилье подешевле искала? А утречком обязательно придет, завтра ведь базарный день, нанимателей много приедет, лето.

– Сам знаю! – зло рявкнул Тейлах, бросая на стол еще несколько серебряных монет. – Делай что хочешь, найми еще людей, но если она уйдет к кому-то другому, завтра вечером у рыб будет праздник!

И вышел прочь, зло пнув попавшегося под ноги кота.

Лаиса он отыскал возле мебельных складов и к этому времени совершенно успокоился и придумал очень правдоподобный предлог для изменения прежних планов.

– Можешь сказать грузчикам, чтобы не спешили. Задержитесь еще на ночь. Завтра здесь базарный день, и выбор прислуги будет больше. Так что оставь за себя Тулоса и можешь идти отдыхать. У тебя ведь давно не было выходных? Ну, вот и повеселись. Вот тебе премия, – маленький, но очень увесистый кошель шлепнулся в руку командира охраны, и господин махнул возчику нанятой на весь день коляски. – В особняк главы города.

– Похоже, мне все же удастся сегодня посетить бани, – хмуро фыркнул вслед ему командир охраны, не испытывая, впрочем, особой радости от предвкушения этого развлечения.

Да и вообще есть какая-то подозрительная неправильность во всей этой затее со спешным наймом прислуги, размышлял Лаис, расслабленно развалившись в теплой воде мелкого бассейна, выложенного черным камнем. Его тело, уже получившее все возможные здесь удовольствия, казалось невесомым, а в душе ненадолго воцарилось ленивое благодушие.

Он отлично знал, что такие слабости совершенно недопустимы для человека, лично отправившего самого себя в тайную разведку, причем непонятно куда и зачем. Но оправдывал свое поведение тем, что наемник, которого он сейчас старательно изображал, именно так и поступил бы, получив внезапную передышку и премию.

К тому же еще неизвестно, правильно ли поняли его внезапное исчезновение те, кому он служил те два с половиной месяца всей душой. Хотя право на отправку письма родственникам он чуть позже все же выговорил, но вот куда ушел маленький пенальчик, не знает до сих пор. Получить ответ ему не разрешили. И только одна мысль грела его светлой надеждой в добровольном изгнании, что дерзко усмехавшаяся ему когда-то голубоглазая девчонка с веснушчатым личиком и в деревенском чепце никогда не поверит сама и не позволит поверить другим, будто грубоватый, но преданный Кэнк может сменять ее дружбу и доверие брата на какое-то золото.

Демонская сила! Молнией мелькнула в голове догадка, уже в следующий миг становясь твердым убеждением, так вот кого ему напомнила сероглазая незнакомка в торемском одеянии, мерявшая презрительным взглядом напавших на нее негодяев! И не только этим взглядом, еще ловкостью, находчивостью и необычными способами обороны! Нет никаких сомнений, они сестры… по вере и воспитанию, и он должен был понять это еще там, на дороге. И никуда не отпускать женщину, пока не разузнает точно, какая ей нужна помощь.

А сейчас она в лапах того торемца, и теперь подсмотренная на базаре сцена виделась Лаису вовсе не так, как в тот момент. Вот сейчас он припомнил все. И настойчивость, с какой куда-то тянул женщину торемец, и длинную прядь его волос, мешавшую рассмотреть метку, и явную неохоту, с какой пошла за ним вдова.

– Тьма, – яростно ругнулся Лаис и резко поднялся, шагая вместе с потоком воды на мягкие циновки, устилавшие пол бани.

– Господин желает еще массаж? – рыбкой скользнула к нему отдыхавшая в другом конце бассейна банщица, но Лаис резко мотнул головой и знаком приказал ей удалиться, начиная поспешно одеваться.

Не переставая мысленно костерить себя за череду грубых ошибок, сделанных с того момента, как он увидел с вершины холма ту яростную схватку. И обиднее всего казалась глупая злость, из-за которой он не пошел следом за незнакомкой дальше, а свернул к мебельным складам. Но одновременно с каждой секундой росло в душе понимание, что спешить ему абсолютно некуда. За окном уже темно, и на бедных улочках, где сдаются самые дешевые каморки, давно не видно ни одного огонька. Бедные люди всегда встают раньше всех, и вечерами им не до развлечений.

На постоялый двор Лаис возвращался на коляске и, хотя отлично знал, как смешно надеяться на случайную встречу, внимательно всматривался во всех прохожих, ища взглядом знакомую женскую фигурку. Совершенно выпустив из вида, что женщины Торема с наступлением темноты никогда не покидают своих домов. А когда вспомнил про это правило, разозлился на себя еще сильнее и, выскочив возле ворот из коляски, зашагал в сторону двухэтажного незамысловатого строения так решительно, что едва не сбил с ног какого-то подвыпившего постояльца, попавшегося навстречу.

– Не умеешь пить, не начинай, – зло рявкнул Лаис, отбрасывая в сторону на секунду повисшего на нем пьяницу, и только после этого понял, что гуляка успел сунуть ему в руку какой-то небольшой предмет.

Нечто вроде кошеля, в котором на ощупь угадывалась твердая продолговатая вещица. В первый момент наемник возмутился и почти поднял руку швырнуть неизвестный предмет вслед пьянице, но тут его обдало волной аромата, исходившего от незнакомца. В нем не было ничего похожего на запах дешевого вина, чеснока и перегара, какими обычно несет от местных любителей посидеть вечерок за кружкой. И вообще это был запах женщины. Мужчины, особенно простые торемцы, так никогда не пахнут. Легкий цветочный аромат мешался с горьковатым запахом миндаля и сладким – ванили, сразу пробуждая в памяти образ женщины, безмерно любившей этот аромат, но употреблявшей духи с большой опаской. Ведьма Зоралда не разрешала своей сопернице никаких вольностей: ни ароматических вод, ни помад и румян, ни украшений из лавки ювелира.

Рука сама молниеносно сунула кошель во внутренний карман, а Лаис с показной брезгливостью отряхнул полы легкой походной куртки и направился дальше, всем своим видом давая понять всем случайным зрителям, насколько презирает гуляку, попавшегося ему на пути. И пока поднимался на второй этаж, где он снял все правое крыло, в голове командира сложился четкий план, к исполнению которого он приступил немедленно.

– Все на месте? – едва войдя в самую большую из спален, традиционно служившую столовой и одновременно штабом, строго спросил он попавшегося на глаза воина.

– Да, – вытаращил тот глаза, оторопев от неожиданности, – только Тулос пошел погулять.

– Проверим, – холодно обронил командир и шагнул в коридор, делая вид, что не слышит топота подчиненного, ринувшегося в нижний зал предупреждать товарищей.

Как он и догадывался, половина комнат пустовала, а в нескольких обнаружились не совсем одетые гостьи, и, разумеется, не одни, а с хозяевами. Расстроенные воины наблюдали, как командир молча осматривает комнату, записывает что-то в свою походную книжицу и так же молча выходит.

Через полчаса, шепотом делясь новостями и так же шепотом матерясь, воины торопливо выдворили своих утешительниц и, оставив в столовой караульных, разошлись по комнатам. К

этому времени появился и Тулос и прежде, чем ложиться спать, осторожно заглянул в комнату командира.

– Ты меня искал?

– Я тебя оставил вместо себя, – продолжая писать и не поднимая глаз на вошедшего, холодно сообщил Лаис, хотя начинал догадываться, где именно гулял его помощник, – и надеялся, что здесь все в порядке.

– Прости… – повинился тот, но в его голосе Лаис не услышал раскаяния. – Подумал, раз мы не выезжаем утром, почему бы не отдохнуть?

– А вы перетрудились на службе? – изумленно поднял брови командир. – Иди спать, я сам проверю первую смену караула. А про все, обнаруженное сегодня, сейчас напишу доклад господину, и пусть он сам решает, оставить командиром меня или назначить тебя. Но терпеть нарушения моих приказов я больше не намерен. Хватит и того, что ты разрешаешь воинам покупать в деревнях вино и надираться на привалах.

Помощник позеленел и, буркнув, что он будет дежурить вторую половину ночи, вылетел из спальни.

Некоторое время Лаис продолжал по-прежнему рисовать на листке непонятные закорючки, потом прошел к двери и резко ее распахнул. В коридоре никого не было. И только после этого он решился запереть дверь на засов, сесть на место и торопливо снять куртку, словно ему стало жарко. Кошель доставал очень осторожно, но, рассмотрев простую серую ткань, начал успокаиваться. Подарок незнакомки был из тех, совершенно невзрачных на вид вещиц, которые невозможно припомнить, как и сказать точно, были они у приятеля ранее или нет.

В нем обнаружилась продолговатая простенькая медная шкатулка, при одном взгляде на которую у Гарта перехватило горло от благодарности и умиления. Никто, кроме одной-единственной женщины, не знал, как выглядит шкатулка, где он хранил свои самые ценные вещи и с которой не расставался. А когда появлялась ведьма, прятал особенно тщательно, чтобы потом найти там крохотный фиал с зельем и прочесть написанную самому себе записку.

Знакомо щелкнул замок, и, затаив дыхание, Гарт приоткрыл крышку. Сверху лежал листок невесомой бумаги, а на нем – всего несколько слов, написанных так осмотрительно, что, попади письмо в руки случайного человека, он не понял бы совершенно ничего. Под бумагой находился почтовый пенал, и полоска на нем уверенно зеленела, выдавая присутствие где-то неподалеку заряженной пирамидки.

Рядом с пеналом лежала в жестком защитном футляре портальная капсула, тонкая, изящная, как мизинчик младенца, и прекрасная, как дверь, ведущая из узилища на свободу.

Пока у Гарта ее не было, он даже не подозревал, насколько сильно затронет его душу вид такой знакомой вещицы. Даже пальцы дрогнули, так захотелось сломать и очутиться на родине, в поместье, где с наступлением весны каменщики должны начать восстановление дома.

Гарт резко отдернул руку, выдохнул, успокаиваясь, еще рано даже думать о таком повороте судьбы. Потом торопливо перепрятал футлярчик в надежное место и сжег в пламени свечи мгновенно вспыхнувшее письмо. И в завершение торопливо начеркал ответ. Думать над тем, что писать, ему не было нужды, не раз и не два он писал эти строки, в надежде, что удастся стащить у Тейлаха один из футляров, но тут же бросал бумагу в очаг. Надпись на пеналах лжегосподина могла оказаться такой же подделкой, как и он сам.

С облегчением Гартлиб вздохнул только в тот миг, когда нажал на крышечку и пенал исчез, унося отчет тем, кто, как выяснилось, и не собирался думать про него плохо.

– Удалось? – Пять пар глаз с надеждой смотрели на невысокого торемца в просторной поношенной одежде.

– Да, – женским голосом ответил пришедший и сбросил с головы повязанный по-рыбачьи платок вместе с париком. – Ох там и жарко! Настоящее лето.

– Тэйна! – воззвали к совести герцогини сразу два женских голоса. – Потом расскажешь про жару!

– Вот нетерпеливые! – буркнула она, садясь на диван и принимая из рук сестры бокал с холодным соком. – А Арви ждать не будем?

– Ты смерти моей хочешь? – возмутилась Лэни и оглянулась на поджавшего губы мужа. – Нас сейчас от нетерпения вместе с сыном раздавят.

– Никогда, – покачал головой нежно обнимавший округлившуюся жену Змей. – Но вот Тэй зря испытывает мое терпение. Все же я ее командир.

– Вам с конца или с начала? – допив сок, поинтересовалась лазутчица.

– С конца, – единодушно отозвались ее сестры.

– Ну, хорошо. Вечером он отправился в баню, и я хотела было уйти домой, но обнаружила, что за ним тайком следит его помощник. Это меня очень заинтересовало, и я решила подождать. Часа через два Гарт вдруг выскочил из бани как ошпаренный и побежал нанимать коляску, а я села на лошадь и за ним.

– Арви тебя убьет, – сообщил Геверт, осторожно поглаживая доверчиво лежавшую в его ладонях ручку Рози.

– Если вы будете молчать, ничего не будет, – сердито отозвалась Тэйна, – но слушайте дальше. Куда Гарт приказал ехать, я подслушала, на постоялый двор. И обогнала коляску, пробравшись напрямик переулками. Очень хотелось провести того помощника, он поздно спохватился. Ну вот, только я успела добраться до крыльца, вижу – бежит, торопится. Вот и пошла наперерез, изобразила пьяницу. И сунула ему в руку посылку.

– Как он ее взял?

– Так, будто давно ждал! Только на миг замешкался, потом спрятал так ловко, что я сама еле заметила, отряхнулся и пошел дальше. И не оглянулся! Значит, знает про слежку.

– А тебя никто не мог заметить?

– Нет, я потом за ним с полчаса следила, пока помощник не примчался. Никто ничего не понял, а подчиненные его не ждали… он им там устроил хорошую взбучку. А грибов соленых у нас нет? Я бы съела целую миску.

– Грибов соленых! Миску! – позвонив, повелительно приказал Змей вошедшему лакею, и тот умчался стремительно как вихрь.

– Но как теперь поступить нам? – с сомнением смотрел на них Наерс. – Ему ведь нужно помочь?

– Он писал что-то, я слышала, – сообщила Тэльяна, наливая еще сока и вовсе не собираясь рассказывать, что не слышала, а видела, взобравшись на раскидистый орех, стоявший позади дома. – Думаю, нужно подождать письма.

– Ну, разумеется, – привычно глянув за окно, согласился Дагорд. – Часок можем подождать.

Расслышал тихое хихиканье друзей и окинул их очень укоризненным взглядом, ничуть не смутившим весельчаков. Дагорд и сам понимал, как смешно выглядит со стороны его пристальное внимание к тому, чтобы Лэни много гуляла и вовремя ложилась спать. Возможно, он и сам бы немного повеселился над кем-то другим, но никому не собирался рассказывать, что по мере того, как растет их малыш, в его собственной душе все сильнее разрастается тревога. И все чаще некстати вспоминается бледная до синевы тонкая рука Ниресы, безжизненно свисающая с постели.

В такие минуты ему хотелось совершить что-то отчаянное и безрассудное. То ли набить самому себе рожу за то, что подверг любимую такому испытанию, то ли немедленно отвезти Лэни в Сандинию, в маленький домик на границе с плато, в каких ожидают помощи магов отчаявшиеся, и жить там, пока все не закончится.

– Зайчик! – повернула к нему цветущее лицо Лэни, и Змей мгновенно забыл про все остальное.

Она стала прекрасна в последние месяцы, кожа чуть округлившегося личика, обрамленного мягким шелком волос, просто светилась матовой белизной и нежным румянцем, а голубые глаза стали темнее, и в них появилась томная загадочность.

– Что, радость моя?

– Нужно приказать приготовить комнату для матушки. Если придет письмо, я немедленно ее вызову.

– Конечно, – кивнул герцог, и не собиравшийся спорить, – сейчас прикажу.

– Я сама прикажу, – посмотрев на них, пообещала Тэйна, тоже считавшая, что без помощи Тмирны им не обойтись.

Хотя дело вовсе не в этом. В те темные дни, когда вдруг неожиданно пропал Гартлиб, матушка первая поддержала категоричное заявление Лэни, что он не может быть предателем или искателем более теплого местечка. Змей, чрезвычайно переживавший и за брата, взятого на важную должность по его протекции, и за доброе имя семьи, тогда упорно молчал, не желая ни перед кем оправдываться либо что-то доказывать.

Чуть позже на защиту исчезнувшего дознавателя решительно встала Леонидия, и Олтерн даже поспорил с ней немного, но быстро сдался. Но хотя настрого запретил распространять всякие слухи и домыслы, сам продолжал отмалчиваться, когда заходил разговор на эту тему, и явно имел насчет произошедшего свое собственное мнение.

Глава 7

– Тэйна вернулась? – стремительно ворвался в гостиную Арвельд, рассмотрел жену, сидящую в кресле с огромной миской на коленях и сосредоточенно поглощавшую грибы, и расплылся в блаженной улыбке. – Как ты себя чувствуешь?

– Как неправильный верблюд, – сообщила та, проглотила грибок и пояснила: – У которого горб вырос на животе. Зато я наелась свежей земляники и ранней малины… а еще овощей и орехов.

– Нужно будет сходить, – мгновенно сообразил Змей, поворачиваясь к жене: – Ты чего хочешь?

– Письмо и рассказ про то, что там было днем.

– Лэни, я про ягоды.

– Не могу я думать про ягоды, – очень серьезно взглянула она на мужа, – если у меня за кого-то душа болит.

– Но он не выглядит несчастным, – оторвалась от грибов герцогиня и пояснила устроившемуся рядом Арви: – Мне удалось отдать Гарту кошель.

– Так может, он доберется до портальной башни и придет?

– Если захочет… или сочтет нужным, ему не придется искать башню, – сообщила Тэйна, – я сняла комнату прямо под его спальней и поставила на столе большую пирамидку. Там сейчас отдыхают Хелвар и Инатис, они весь день за ним бегали. Гартлиб очень деловой человек и действительно командир отряда охранников.

– Это я читал в твоем дневном отчете, – кивнул Арви. – А чьи они охранники, узнать удалось?

– В Шархеме болтают, будто его хозяин – некий Тейлах, но кто он и откуда приезжает – не знает никто. Знают лишь, что очень богат, а спрашивать, как вы сами понимаете, у таких людей не принято.

Письмо возникло над стоящей на столике пирамидкой, как обычно, внезапно, и вдруг оказалось, что все, кто посматривал в ту сторону безразличными взглядами, на самом деле нетерпеливо ожидали этого мгновения. Несколько рук столкнулось в пустоте, но довольная Лэни, умудрившаяся схватить пенал первой, несмотря на свою кажущуюся неуклюжесть, уже спешно откручивала крышечку.

– Это мне миска помешала, – огорчилась Тэйна, – жалко было уронить. Ну, читай быстрее!

– Вслух Даг прочтет, – быстро пробегая листок глазами, проговорила Лэни и вдруг засияла, живо повернула лицо к напряженно заглядывающему в письмо мужу и чмокнула его в нос. – Мы в нем не ошиблись!

Передала послание Змею и решительно подвинула себе бумагу и магическое стило.

– Спасибо, дорогие друзья… – прочел вслух Змей и на миг смолк, пытаясь справиться с перекрывшим дыхание комком, – за то, что верили в меня и искали. Явор сделал мне предложение, показавшееся очень подозрительным слишком большой оплатой, и выставил строгое условие: никому о нем не сообщать. Позже разрешили написать родным, но я не верю, что то письмо дошло. Кто мой хозяин, пока не знаю, его изображает Тейлах. Среди моих воинов несколько человек из тех, кто был со мной в крепости, и всех их нанимал Явор. Мы живем в замке, недавно построенном гномами над морем в одном из ущелий Южного хребта, и найти это место трудно. От маленького рыбачьего поселка добираемся туда морем, на принадлежащем хозяину небольшом судне. В Шархем мы приехали за мебелью, через день, рано утром, отправляемся назад. Завтра Тейлах намерен нанять несколько горничных, они поедут с нами в повозке. Передайте Тмирне, в Шархем пришла бедно одетая молодая вдова, сероглазая, сыну лет шесть-

семь. Я видел, как она отбивалась от моих людей, похоже, это бывшая сестра Тишины. Я дал ей денег, но сразу не понял, что она хочет вернуться в Ардаг и на портал ей не хватит. Днем случайно заметил, как ее преследует похожий на бандита торемец. Капсулу пока тратить не буду, хочу понять планы неизвестного хозяина, он мне очень подозрителен. Думаю, это тот, кого мы искали. Спасибо еще раз, Эста и Даг, я верил, что вы все поймете.

Несколько минут все молчали, по-новому осмысливая все то, что они успели разузнать за последние месяцы упорных поисков. Змей, полуотвернувшись от друзей, благодарно прятал лицо за волосами мягко поглаживающей его плечо жены. Было приятно, что он не ошибся, и Гарт не оказался подлецом, но радость от осознания этого факта быстро растворилась в новых тревогах. Как искать замок, и главное, зачем, если там пока нет того, кто потихоньку плетет какую-то непонятную и оттого еще более зловещую интригу? Как помочь Гарту, как послать ему оружие и кого-то в напарники, если людей туда нанимает не он? Ведь Тэйне невероятно повезло передать посылку незаметно, как оказалось, кузен и сам знает о неусыпной слежке.

И правильно Тэльяна сделала, загодя сходив к Леонидии с просьбой о помощи. Только после ее объяснений им удалось придумать способ незаметно подсказать Гарту, что рядом находится вовсе не враг. Зато Арвельд до последнего момента был против того, чтобы в Шархем уходила его жена. Всего за несколько дней до сообщения разведчиков о том, что отряд вооруженных людей, который ведет воин, смутно похожий фигурой и манерами на Гартлиба, движется в сторону Шархема, Тэйна наконец-то обрадовала мужа новостью о долгожданном малыше. Хотя до его рождения пока было еще очень далеко, Арви теперь трясся за свою жену ничуть не меньше, чем Змей за Лэни.

– А вдруг он ударит тебя прежде, чем почувствует аромат духов? – упрямо твердил герцог, и Змей его отлично понимал.

– Он никогда не ударит никого первым, если не будет уверен, что на него напали намеренно, – тихо сказала тогда Леонидия, наблюдая за игравшим с Харом сыном.

К весне герцогиня Эфройская оправилась и посвежела, и ей стало явно не хватать общения с друзьями. Поэтому все чаще они с Тэлродом приходили в гости к Лэни, которой Змей решительно запретил появляться во дворце.

Хотя тихоня вовсе не скучала, Тмирна находчиво передала сестре большую часть переписки и составление особого календаря, куда они записывали особо важные события, подразделяя их по категориям.

– Нужно написать Олтерну, – первым нарушил молчание Наерс, – определенно он тоже захочет принять участие в обсуждении.

– Напиши, – откликнулся Змей, поворачиваясь к присутствующим, – у кого есть соображения, как помочь Гартлибу?

– У меня, – невозмутимо сообщила Тэйна, – нужно подсунуть им в горничные сестру Тишины.

– А как это проделать? – засомневался Наерс и натолкнулся на ее торжествующий взгляд.

– Я знаю. Совершенно случайно подслушала один разговор… но тогда не поняла, насколько он важный. Сейчас придет матушка, и расскажу… и уберите от меня эти грибы, что у вас, ничего другого нету, что ли?

Тмирна пришла почти одновременно с Олтерном, но сначала пошла обнимать своих сестер, и первым письмо читал советник, сосредоточенно хмурясь и обдумывая каждую фразу.

– Ваши родичи не получали известия? – передав письмо настоятельнице, осведомился он у Змея.

– Нет, я послал туда одного из своих людей, и он следит за пирамидкой, – суховато пояснил герцог Тегрийский.

– Дагорд, извини. – Олтерн сразу понял, почему обижается преданный друг. – Я собрал за это время все, что говорили о Гартлибе люди, жившие рядом с ним все эти годы. И эти

отзывы крайне противоречивы… одни считают его честным и надежным воином, другие – подхалимом и шпионом ведьмы, некоторые – жестоким и бездушным палачом. Мне очень редко приходилось встречать людей, о которых товарищи говорили бы так плохо… тех, кто его хвалил, в несколько раз меньше.

– Она очень постаралась, та гадина, – с неожиданной для всех ненавистью процедила вдруг Лэни, – так хорошо сумела всех запутать, что даже я почти поверила.

– Не нужно, родная, – мгновенно спрятал ее в объятиях Змей, – все давно в прошлом.

– Прости… я всегда буду помнить, кому она хотела сделать больно, когда издевалась над ним… – глухо пробормотала тихоня.

– Лучше вспомни, кто сделал больно ей за все ее пакости, – сердито отозвалась Тэйна, сочувственно посматривая на сестру, и повернулась к Тмирне: – Матушка! Ты догадалась, о ком речь в этом письме?

– Думаю, да, – хмуро кивнула Тмирна, – Мальяра ле Антремо, баронесса, двадцать девять лет. В монастырь пришла в пятнадцать. Ее брат после гибели родителей спустил все деньги, в том числе и приданое сестры, и нашел ей выгодного жениха, пятидесятилетнего владельца ювелирной мастерской. Мальяра сбежала… она училась на болтушку, но не проходила испытаний, в двадцать лет встретила молодого торемца и вышла замуж. Он увез ее в ханство, и с тех пор никаких вестей я не имею. Пыталась разузнать через знакомых, но все, что они выяснили, очень печально. Муж Малихи, так назвали Мальяру в семье, погиб в горах через год, ездил за товаром. Его родители решили отдать невестку одному из старших сыновей второй женой, закон там такое разрешает, если у вдовы нет детей. Но она и от них сбежала. А через два месяца вернулась с младенцем и получила официальный статус вдовы. Но в доме родичей не осталась, куда-то ушла. Вот на этом ее следы потерялись. Но ее ребенку должно быть в таком случае не менее восьми лет, а Гарт пишет – шесть или семь.

– Мы все знаем, что в определении возраста детей легко ошибиться, – тихо сказала вдруг Энройза, – я ее знала, могу сходить, проверить.

– Но, Рози… – мигом встревожился Геверт, – ты ведь совершенно не похожа на торемку! Лучше дать ее портрет разведчикам, пусть проверят.

– Не успеют, – твердо заявила Тэйна и сообщила пристально уставившейся на нее матушке: – Тот самый Тейлах усиленно ищет именно эту вдову. Дал приказ старшине посредников нанять ее горничной и пообещал его утопить, если женщину кто-то перехватит.

– Я один что-то недопонял про ребенка? – с сомнением произнес Арвельд.

– Нет, – отозвался Геверт, – мне тоже интересно.

– Вот и родичи ее мужа не сразу поверили, утверждали, что не была она в тяжести, когда убежала, – задумчиво сообщила Тмирна, – даже к старейшине села ходили, у них это вроде судей. Но Малиха привела свидетельницу своих слов, немолодую травницу, которая помогала при родах. Та и заявила, что ребенок родился раньше времени и был очень маленьким. Ну а про то, что одежда у женщин там просторная и можно долго ничего не замечать, старейшина и сам знал. А родичам было намного выгоднее объявить, будто женщина не беременна, и оставить ее в семье, чем признать свободной вдовой. А поскольку там закон таких вдов защищает, поверили Мальяре. Тем более, ее сын оказался сероглазым, и украсть или купить такого ребенка там не у кого. Но есть один вопрос… и ответ может дать только она.

– Гарт пишет, она дралась с его людьми, – нахмурившись, произнес Арвельд. – Определенно это была необычная схватка, раз он обратил внимание и сделал такие выводы. Я же был с ним в крепости и знаю, беглые мятежники нередко нападали на женщин, хоть и досадно это сейчас признавать. Но сказать хочу другое, возможно, этот Тейлах откуда-то узнал, что она – сестра Тишины? И подбирается именно к монастырю?

– А может, просто его господину нужны служанки, из которых можно сделать телохранителей? Или они где-то встречались и она его тоже побила, а теперь он хочет отомстить? –

начала перечислять возможные причины Лэни. – Ну а может, таинственный господин о ней даже не подозревает, а нужна она самому Тейлаху?

– Догадок может быть очень много, – кивнула Тмирна, – и истину так не найдешь. Потому мы и не высказываем предположений, они чаще всего неверны. Но Гарту я очень благодарна за то, что в такой момент написал не о своих трудностях, а предупредил меня. Сейчас я ухожу домой, готовиться. В Шархем пойду сама, с кем-нибудь из сестер. Тэйна, ты больше никуда не ходи, а вот разведчиков предупредите, чтобы мне помогали.

– Я тоже с тобой пойду, – решительно заявил Змей, стараясь не смотреть на жену, но получил категоричный отказ.

– Ни в коем случае! Ни ты, ни Арвельд, ни, тем более, Олтерн! И настоятельно советую отправить Лэни, Тэйну и Рози в хорошо защищенное место, а веская причина у вас есть. И Леонидию с ребенком я спрятала бы вместе с ними.

– Ну, матушка! – возмущенно выдохнула проводница. – Вот этого я не ожидала! Ну ладно у Лэни, веская причина налицо, но меня-то за что?

– Не налицо, а на талии, – отозвалась Лэни, чувствуя, как руки мужа крепче стиснули ее после слов настоятельницы. – А вас всех – чтобы мне скучно не было. Но мы ведь сможем писать письма… и не только?

– Спасибо, Тмирна… – произнес помрачневший герцог Эфройский. – Я обязательно воспользуюсь твоим советом. И немедленно. Змей, где легче наладить охрану, в моем южном замке или твоем Тегри?

– В Тегри, конечно. У тебя с моря все открыто, там нужно держать кучу стражников. А в Тегри у меня уже сидят несколько проверенных людей… еще человек пять или шесть…

– Возьми двенадцать самых надежных и готовь для всех капсулы. Леонидию я приведу сюда немедленно. Геверт и Арвельд тоже отправятся в Тегри, а вот тебя совсем отпустить не могу, но будешь уходить ночевать. Ну и я буду приходить, – вставая, торопливо сообщил первый советник и хрустнул капсулой.

– Демонская сила, – ошеломленно выдохнул Геверт, глядя на опустевшее кресло, – вот это решительность! А нас хотя бы спросить он не мог? Нет, я, разумеется, пойду, но к чему такая спешка?

– Пусть думает, что вы испугались, – тонко усмехнулась Тмирна и тоже ушла, использовав капсулу.

– Я пока ничего не понимаю, – огорченно признался Наерс. – Но мне все это не нравится.

– А я, кажется, начинаю понимать, – вздохнула Лэни, – и мне это тоже не нравится. Но пока промолчу, сестры Тишины не делают предположений.

Глава 8

Отправив письмо, Гартлиб некоторое время сидел неподвижно, прислушиваясь к происходящему вокруг.

Разумеется, он не ожидал, что сейчас выскочит откуда-то Тейлах и начнет обвинять его в нарушении контракта, но после напряжения последних минут требовалось время, чтобы поверить в реальность произошедшего. Сколько дней и ночей он ломал голову, пытаясь придумать надежный способ, как дать о себе знать Змею, и каждый раз находил в очередном плане недостаток. Невозможно было не понимать: раз за ним следят в далеком, безымянном замке, то в городе, где есть портальная башня и продаются почтовые пеналы, держать под наблюдением будут, не сводя глаз.

И сегодняшний вечер показал, кто именно руководит этой слежкой. Тулос, крепкий, молчаливый воин, из тех, кого нанял Явор. Таких, кстати, в отряде четверо, и еще трое остались в замке. И отбирал воинов в поездку именно Тулос, а сам командир только проверял их вооружение и следил за погрузкой. Возчиков и телеги они нанимали в одном из тех городков, куда приходит за ними принадлежащее Тейлаху судно. Или не Тейлаху? Неважно. Пока.

Важнее другое. Теперь он не сможет верить никому из бывших соратников, которые пришли с ним в Шархем. Хотя навряд ли все они соглядатаи, но проверить это, чтобы знать наверняка, негде и некогда. И значит, в присутствии этих людей нужно действовать так, чтобы ни один из них не заподозрил лжи. Очень трудная, но не невозможная задача для человека, несколько лет жившего в постоянном напряжении и привыкшего прятать свое истинное лицо и чувства под личиной негодяя.

Гарт вспомнил про отправленное письмо и огорченно фыркнул. Он так торопился его отослать, что постарался написать как можно короче… хотя мог бы добавить очень многое. И теперь остается только жалеть и ждать очередного случая, который отыщут друзья, чтобы прислать ему весточку.

Он убрал со стола свои вещи и решительно направился к двери, неожиданный подарок судьбы так взбудоражил душу, что пропала и усталость, и сон. А раз так, нечего попусту сидеть на одном месте, лучше проверить, как несут службу дозорные.

Утро Малиха встретила на ногах. Она давно привыкла подниматься с постели с рассветом, жадные хозяева считают хорошими слугами тех, что не спят и не едят, а только работают. Причем все время стоя. Года три назад она работала кухаркой в небольшой харчевне, хозяин которой зеленел от злобы, если видел, что женщина чистит или режет овощи, сидя на скамеечке. Эта жадная скотина была уверена, что нож в руках работницы движется быстрее, когда бедолага стоит.

Малиха едко ухмыльнулась, вспомнив, как отомстила, когда он обсчитал ее при расчете, удержав за якобы пропавшие ложки. Просто бросила в котел с похлебкой горсть травки… теперь весь поселок знает, как опасно для желудка обедать в той харчевне.

Чайник закипел, и вдова торопливо заварила напиток для себя и сына, а в отдельной кружке особые травы для Хасита. За ночь она успела еще раз обдумать его предложение и понять, что бывший вор во всем прав. Если им сменить одежду и не называть имен, да побыстрее уйти отсюда, то несколько месяцев можно спокойно работать и копить деньги на портал.

– Дочка, ты встала уже? – шлепала от своей двери хозяйка.

– Да, я всегда рано встаю, бабушка, сама знаешь, на нас, женщинах, все держится, – привычно затараторила Малиха, составляя чашки на деревянное, потемневшее и выщербленное блюдо. – Чай я заварила, вам всем хватит попить, а пряники под мисочкой. Побегу, разбужу Хаса, пусть поднимается, пьет чай да следит за племянником, а то мне нужно сходить на рынок за продуктами.

Ей не хотелось смотреть в лицо женщины, которой пришлось солгать, чтобы она не смогла выдать их Кахриму, если он решит искать беглую служанку. На самом деле вор уже не спал, выпил приготовленное с вечера заживляющее зелье и сидел теперь перед маленьким зеркальцем, довольно умело меняя свой облик.

– Что она делает? – встретил вдову деловитый вопрос.

– Чай пьет, – сразу ответила она, испытующе разглядывая новое обличье спутника.

Волосы он спрятал под низко повязанным зеленым платком, серьгу из уха вынул, усы и бородку постриг очень коротко и вычернил, брови тоже. И сразу стал казаться лет на пятнадцать моложе и суровее, чем прежде. Такому, пожалуй, поверят, что друг мог назначить его наставником сына. А темную рубаху и кожаный ремешок через плечо надел, как носят проводники, и оружие повесил в ножнах, хотя непонятно, где взял, если его мешок Мали вчера осторожно прощупала?

– Давай твои вещи, неправдоподобно будет, если без мешка.

– Вон в углу мешок, – об этом она тоже подумала.

Нарядилась во второе из имеющихся у нее платьев и достала для сына новую рубашку.

– Иди на улицу, я переброшу мешок через дувал. И подожди нас через шесть домов по направлению к базару. Это на восток, – упихивая в один мешок все вещи, наказывал он, – сама не тащи, сунь под куст.

– Мне не тяжело, – заупрямилась Малиха, – пусть думают, будто я товар несу на продажу. А то вдруг вас бабушка провожать вздумает…

– Ладно, – хмуро согласился Хасит, понимая, что пора учиться доверять неожиданной напарнице. И в конце концов, она ведь оставляет вору гораздо большую ценность, чем его старые вещи.

Малиха в этот момент поправляла на сонном, но серьезном сынишке рубашечку и думала о том, что нужно выбирать место, где к детям относятся без злости, видела она и таких людей, которые просто из себя выходят от одного вида бегающего по лужайке ребенка.

А всего через четверть часа вдова, крепко сжимая в руке чуть шершавую ладошку сына, уже шла следом за повесившим мешок на спину вором и тихим шепотом поясняла ему, какую нужно выбирать работу.

– Смотри не на деньги, а на людей! Некоторые много обещают, а потом не дают ничего!

Вот все они такие! Вполуха слушая указания, выдаваемые топавшей за ним женщиной, с досадой морщился Хасит. Еще ничего не знают о том, на что способен мужчина и как намерен действовать, но обязательно заранее испортят все настроение своими советами! Ну почему она решила, будто он глупее или неопытнее ее? Только потому, что его предали свои же? Так там был совсем другой расклад, собственного сына глава гильдии из петли вытаскивал! А ему хорошего судью сумели подсунуть, всего двадцать лет тюрьмы дал и через полгода разрешил выкупить торговцу из небольшого городка. Само собой, он обиделся… но слова не сказал. Все признал. Глупо связываться с теми, кто много сильнее… особенно не подготовившись как следует.

На базаре Хасит оставил мешок и спутников под камышовым навесом дешевой харчевни, приказал подавальщику принести им чай и лепешки и отправился к посредникам, предлагать свои услуги.

– Идем всей семьей, я, женщина и ребенок. Что? Сколько лет? А, сыну! Девятый. Я могу работать охранником или конюхом, она кухаркой или служанкой, ребенок тихий, послушный.

– А глаза у нее какие? – настырный посредник смотрел как-то слишком подозрительно, и бывалый вор не мог этого не заметить.

– Обыкновенные! Ты что, не видишь, сколько мне лет? Я давно смотрю женщинам не на глаза… а намного ниже. Так есть у тебя работа, или я к другому пойду?

– Посиди, подожди! Сегодня базарный день, народ только подъезжает! Сам понимаешь, летом больше ищут работников в огород или в поле, иногда скот пасти или подсобников в строительные артели. Так что если хочешь чего почище, придется потерпеть! – осадил его посредник, делая пометки в засаленной книжице. – Где вы остановились?

– В харчевне сидим, неподалеку, – буркнул Хасит и нехотя пообещал: – Ладно, подожду.

Однако, выйдя из маленькой клетушки, он и не подумал возвращаться назад. Покружил немного по рынку, чтоб убедиться в отсутствии слежки, и направился к следующему торговцу рабочей силой. Потом еще к одному… и через полчаса точно знал, сегодня их всех волнуют не мускулы и особые таланты работников, а цвет женских глаз.

– Тебя ищут, – еле слышно сказал он вдове, вынырнув из-под старой кошмы, изображавшей в этом заведении заднюю стенку. – Все посредники спрашивают, какой цвет глаз у моей напарницы.

Говорить Малихе о том, что представлял ее своей женой, вор не собирался. Как только начнут договариваться с хозяевами, так и пояснит, что посредники поняли неверно. Если, конечно, еще придется договариваться.

– Святая… – начала она и смолкла, – а зачем им это, не спросил?

Хотя и сама уже сделала выводы. Здесь, в ханстве, где почти все жители черноглазы, это может означать одно, ищут именно ее. Или такую же, как она… хотя такое совпадение маловероятно. И что ей остается делать в таком случае? Все-таки идти к рыбакам? А успеет ли?

– Ну, и зачем бы я спрашивал? – Вор налил себе чаю и тихо приказал: – Садись там, где я вылез, это самое удобное место для ухода, и не поднимай глаз. Я попробую подслушать… как-то мне вся эта история не нравится. Но ты не бойся, если что – уходить будем вместе. Есть у меня еще один путь… но про это потом.

Он с деланой неспешностью допил чай и так же неторопливо слез с топчана. Немного постоял, как бы в раздумье, потом поплелся в сторону торговых рядов, очень успешно изображая зеваку, который гуляет просто ради любопытства, а не пришел за покупками.

Женщина ловко скользнула на указанное место, потупилась и задумалась, пытаясь понять, каким образом обычный торговец из небольшого городка успел так быстро добраться до посредников Шархема? И как ни крутила – выходило, такой возможности у него не было. Но раз самого Кахрима здесь нет, значит, этот поиск светлоглазых женщин никак не может быть связан с ее прежним хозяином. Но тогда с чем? Зря она отпустила вора! Нужно было самой пойти, посмотреть со стороны.

Малиха машинально подвинула ближе к тихо сидевшему сынишке мисочку с шариками творога, погладила его по голове, повязанной платком, как у Хасита, и вздрогнула от мягкого женского голоса, ударившего по памяти, как плетью.

– Доброе утро.

– Здравствуйте, – вспомнив правило ответа, прошептала вдова, чувствуя, как щеки загораются жарким огнем стыда.

Сколько лет она мечтала и боялась услышать этот голос, зная, как была не права, когда, экономя каждый медяк, чтобы побыстрее накопить на отдельный домик, пожалела денег на письмо.

– Можно посидеть с вами? – еще спрашивала та, чье имя нельзя называть вслух, а сама уже ловко присаживалась на край накрытого кошмой топчана. – Еда у меня в корзинке, а чая нет.

– Конечно, – не поднимая глаз, ответила Мальяра, посматривая на простое торемское платье и непривычно смуглые руки гостьи и начиная понимать, что гуляет по Шархему та вовсе не случайно.

Значит, кого-то искала… но ведь не может быть, чтобы именно ее? Откуда она могла узнать, что Малиха именно в этом городе, а не в каком-то другом, если женщина и сама еще вчера не знала, куда пойдет? И никто не знал… даже травница из Сюна.

Да ее даже Хасит нашел случайно, определив, в какую сторону могла направиться служанка, когда выяснил у прачек, что она пропала. И посчитав, что вдова будет стараться искать работу в самом большом городе.

– Можно угостить мальчика сладостями? – налив себе чай, так же спокойно спросила Тмирна, давая бывшей монахине время успокоиться и привыкнуть к мысли, что ее нашли.

– Да. Кор, можешь взять конфеты.

– Спасибо, – вежливо поблагодарил ребенок и аккуратно взял одну конфетку.

– У меня к тебе просьба, – выпив пару глотков, сказала настоятельница, с жалостью поглядывая на не поднимавшую глаз Малиху. – Помоги мне убрать в комнате, я ожидаю гостей. Оплачу очень хорошо.

– Простите… госпожа, – еле слышно выдавила вдова, – но я напарника жду… мы вместе ищем работу. Наши вещи в одном мешке.

– Понятно, – кивнула Тмирна, дождалась, пока проходившие мимо мужчины отойдут подальше, и так же тихо спросила: – А он не силой тебя заставил?

– Нет. – Короткая улыбка скользнула по губам Малихи. – Он друг.

Какая сила заставила ее так сказать, она и сама не сразу сообразила, поняла только позже, что испугалась за заботившегося о них вора.

– Уже легче, тогда подождем его, – вздохнула настоятельница и окликнула подавальщика: – Эй, парень! Принеси еще чайник. И тех пирожков, которыми так вкусно пахнет.

Глава 9

– Ну и что тут убирать? – недоверчиво буркнул Хасит, оглядывая комнату для гостей в расположенном недалеко от базара доме.

Одном из тех, что сдаются с садом и без хозяев. И действительно, в просторном помещении, просто, но удобно обставленном в местных традициях, было чисто и пахло свежезаваренным чаем и печеньем.

– Не тут, а в саду, – немедля заявила матушка, с затаенной насмешкой поглядывая на подозрительного и недоверчивого торемца, – там грабли и метла стоят, приступай. И мальчонку возьми, пусть ягоды соберет. Есть можно сколько хочешь. А я пока женщине покажу, где мне на платье крючки перешить, что-то похудела.

– Идем, Кор, – позвал вор, но ребенок дождался кивка матери и только после этого двинулся за ним следом.

– Какой он осторожный, – вздохнула настоятельница, проводив их взглядом, и подошла к застывшей посреди комнаты женщине. – Ну, здравствуй, Мальяра.

И решительно обняв девушку за плечи, прижала к себе в материнском объятии.

Закаленное бедами и унижениями сердце юной вдовы дрогнуло и взорвалось как вулкан, извергая наружу все скопившиеся в нем обиды и горести, все разбитые надежды и растоптанные мечты. Они выплескивались вместе с горячими, невыплаканными за много лет слезами, заполняли все вокруг невысказанной болью и нежданным счастьем.

– Ох, девочка моя, ну что же ты так! – Несколько минут Тмирна мягко гладила вздрагивающие плечи, потом бережно усадила Мальяру на широкую низкую кушетку, подала ей бокал с водой, куда капнула зелья. – Выпей вот это. Ну, ведь ты же умница! Почему не написала мне письмо, когда стало трудно?

– Стыдно было… Пока муж был живой, не писала, – горько всхлипнула вдова, – а как беда пришла, так сразу вспомнила… что была когда-то сестрой?

– Ну, так это закон жизни, – грустно усмехнулась Тмирна, – не ты первая, не ты последняя. Все дети не думают про матерей, пока у них все в порядке. Зато сестры Тишины помнят всегда… и завяжи узелок на будущее, бывших сестер не бывает. Раз ты стала одной из нас, значит, останешься ею навсегда. И сейчас нужно решить, как поступить с твоим напарником. Темный он человек… но, похоже, слово свое держать умеет.

– Нельзя его бросать… и потом, он мне помог… и сейчас хотел увести в безопасное место, – подняла на матушку взгляд Мальяра. – Хасит выяснил у посредников, что кто-то хочет нанять именно сероглазую женщину, и решил, будто меня.

– Молодец, – отметила Тмирна, пододвинула табурет и села напротив, – правильно все понял. Все посредники этого города получили на тебя заказ. Один очень богатый господин желает, чтобы ты была горничной в его замке. Вообще-то он нанимает четырех девушек, но главная там ты.

– Но зачем я им? – изумилась вдова и тут же прикусила губу, задумавшись. – Или он любитель именно таких женщин? Тогда кто ему про меня рассказал?

– Десяток мужчин видел, как одна женщина дралась с двумя насильниками, – хмуро пояснила Тмирна то, что было совершенно ясно для нее самой. – И все они заметили, с какой необычайной заботой отнесся к ней их командир. Это первый факт. Факт второй: за этим воином пристально следят соглядатаи, и про каждый его шаг доносят своему господину. Ну и третий известный нам факт, этот самый господин немедленно пришел в Шархем порталом и выдал посредникам заказ на ту женщину. У тебя сложилась картинка?

– Он хочет меня нанять потому, что считает, будто Лаис мною увлекся? – скептически подняла бровь Мальяра. – Но это глупо… и неправда! Или он всегда увлекается женщинами такого типа?

– А вот эту догадку я хотела проверить, даже привезла с собой сестру, похожую на тебя. Но выяснилось, что подменить тебя ею не получится, ты ехала с ними не один час, и целый отряд запомнил твой голос и жесты, а ей некогда было это выучить. Поэтому забираем твоего спутника и возвращаемся в Ардаг.

– Подожди… матушка, но я не поняла, откуда ты узнала обо мне?

– Он написал, Лаис. Друзьям удалось передать ему пенальчик, и он попросил сообщить мне о своей встрече с женщиной, похожей поведением на сестру Тишины. Написал про твоего сына и про свой промах. Он не сразу понял, что ты идешь к порталу, иначе дал бы тебе еще денег. Еще просил тебе помочь, случайно видел, как тебя насильно уводил подозрительный торемец.

– А, так это был Хасит! Нет, он хотел предупредить, что меня ищет бывший хозяин, я сбежала. И он сбежал, приказчик его хозяина велел меня украсть.

– Он тебе нравится?

– Как мужчина? Нет, – покачала головой Мальяра, продолжая думать о том человеке, что сделал для нее возможным возвращение домой, – просто у нас договор. Я помогла ему убрать метку… а он мне – уйти от настырных женихов.

– Какая у него была метка? – спросила настоятельница и вдруг прижала палец к губам. – Тсс!

– Я слышу, – еле заметная улыбка мелькнула на лице вдовы. – А Кор такой чуткий… слышит писк летучих мышей.

– Госпожа, куда складывать сорняки и мусор? – Торопливо вошедший в комнату вор обращался к Тмирне, но его пристальный взгляд скользил по лицу напарницы. – А почему она плачет?

– Ох, это я, старая, виновата! Начала про детей говорить, – сокрушенно взмахнула руками монахиня, – да про сирот, откуда же мне было знать! Вот и расстроила ее… Да ты не волнуйся, мы сейчас чайку попьем, и она успокоится… я вам заплачу за все хлопоты и с работой помогу, у меня тут хорошие знакомые есть. Иди, заканчивай свое дело, мы пока по-женски поболтаем…

– Не волнуйся, – твердо глянула на мужчину Мальяра, – эта женщина не обманет. Я с ней раньше знакома была, но очень давно и не сразу вспомнила… а вот она меня с первого взгляда узнала.

– Как меня узнать, – печально подхватила Тмирна, – если раньше я была молодая и красивая, а теперь старушка!

– Ладно. – Вор сделал вид, будто успокоился, и ушел, неплотно притворив дверь.

– Какой надежный мужчина, – лукаво кривя губы, похвалила настоятельница, – и заботливый!

– Да, он хороший друг, – понимающе поддакнула Мальяра, – потому мой муж и выбрал его сыну в наставники… жаль, сам не дожил до этого времени.

Уловив, как почти неслышно удаляются легкие шаги, женщины переглянулись и тихо засмеялись. Вор, конечно, очень ловок, но не ему тягаться с сестрами Тишины. Тмирна сдернула кусок тонкой ткани со стоявшего в дальней части комнаты столика, и оказалось, что он уже накрыт для чаепития.

– Идем, попьем чаю, и ты мне расскажешь про этого надежного мужчину, чтобы мне знать заранее, куда его устроить.

– Подожди… матушка. – Мальяра подошла ближе, серьезно посмотрела на Тмирну. – Я понимаю, что это тайна… но почему Лаис там служит, если у него есть друзья в… на родине?

– Это действительно тайна, – сразу нахмурилась монахиня, – и тебе лучше в нее не лезть.

– Но я уже влезла, – упрямо поджала губы Малиха, – и он спас мою жизнь и честь. Если бы на его месте был другой человек, мне бы никогда не удалось отбиться. Они все были против меня в тот момент, его воины, и жалели своих друзей. Я уже прикидывала, как мне увести их подальше… сын прятался в кустах неподалеку. Хотела коня захватить. А, кроме того, ты сказала, что привезла другую сестру… значит, собиралась отправить ее туда… Я возьму этот контракт.

– Сумасшедшая. Другая – глупышка, и на ней наша одежда. А ты – болтушка, и не прошла испытания.

– Прошла. Девять лет прохожу, – горько усмехнулась Малиха. – И тысячу раз сказала тебе в душе спасибо за науку. А там, где он, сойдет и болтушка… только одна просьба, сына забери. А вот Хасит пусть идет со мной. Он вор… его предали свои. А стражники поймали, судили и продали в рабство. Да и две пары глаз – не одна.

– Мальяра… это очень трудный контракт… и стоит за этой интригой кто-то очень опасный. Я пока даже представить не могу, кто.

– Но зато они все теперь на моей стороне, те торемцы, что были в отряде, – упрямо подсчитывала свои преимущества Малиха. – А работа служанки мне привычна. Все, матушка, решено. А вот ваши вещи туда надевать я не буду. Раз они знают, на что я способна, обязательно заставят переодеться… и все отберут. Но я умею обходиться малым… и надеюсь, мне это умение не пригодится.

– О том, что переоденут, мы подумали, – вздохнула Тмирна, пристально рассматривая воспитанницу, и наконец решила: – Ну хорошо, раз ты так настаиваешь, иди. Но не спеши, до обеда, когда заключаются контракты с работниками, времени еще много, успеем кое-что приготовить, чтобы ты шла не с пустыми руками. И за сына не волнуйся, только объясни ему сама, что мне можно доверять.

С этой минуты настоятельница двигалась и действовала быстро и умело. Вызвала из дальней комнаты внешне похожую на Малиху девушку и выдала той торопливо написанный список и капсулу. Легкий хруст отозвался в душе вдовы привычной тоской, но она сцепила зубы, не желая ничем выдать своей боли. Ничего, это последнее испытание, и не может быть, чтобы оно продлилось слишком долго.

– Мальяра… – провести матушку было не так-то просто, – ты можешь отказаться. И я буду рада, если ты это сделаешь, потому что не люблю рисковать моими сестрами.

– Нет… я не меняю решений. Это нужно не столько вам, сколько мне самой… почувствовать себя не затурканной жизнью торемкой, а хозяйкой своей судьбы.

– Хорошо, тогда давай решим, что ты скажешь нанимателям и воинам, когда они тебя спросят про сына. А я придумаю, как запутать следы… можно не сомневаться, что проверять сказанное тобой будут обязательно.

Хасит и Кор пришли через полтора часа. Рот и щеки мальчишки были в красноречивых алых разводах, а мужчина поставил на стол полную миску крупной земляники.

– Мы все сделали, – доложил он и, обнаружив, что Малиха в комнате одна, вопросительно приподнял брови.

– Я тоже все закончила, – кивнула она и показала серебряную монету. – Вот оплата. Садитесь, поешьте, это для вас. Сынок, у меня к тебе важный разговор. Ты уже большой, сможешь прожить без меня пару месяцев? Тетушка Зира предложила мне помочь, по старой памяти. У нее есть знакомые, которые за плату берут мальчиков на попечение. Но мне за тебя платить не нужно. Просто будешь оказывать маленькие услуги, подавать чай или посуду, играть с младшими детьми… ничего сложного. А я за это время заработаю денег. Сам знаешь, женщин без детей берут охотнее и платят больше. Я буду писать тебе письма… очень часто.

Ребенок даже не заплакал, просто крепко обхватил ее ручками и молчал, и это молчание разрывало ей душу.

– Я отдам тебе свою долю, – вдруг хмуро заявил вор, – не оставляй его.

– Хасит… ты не понимаешь… я хочу устроиться туда, где платят больше всего. И если те… люди предложат хорошие деньги… я пойду к ним.

– Мне не ходить с тобой? – спросил он прямо.

– Как хочешь, – отозвалась она безучастно, минуту помолчала и мягче добавила: – Но ты ведь уже заявил, что мы идем вместе.

– Они же не знают, про кого я говорил, – усмехнулся вор, посмотрел на хмурое лицо вдовы и зло фыркнул. – Вот сразу она мне не понравилась, эта сладкоголосая змея! Это она тебе голову задурила!

– Не смей так говорить про тетушку, – печально глянула на него Малиха. – Это я сама хочу как можно быстрее заработать и уйти отсюда. А за моим сыном там присмотрят, я верю тетушке, что это хорошие люди. Уж точно более добрые, чем его родные бабушка и дедушка!

– Ладно, я пойду с тобой, – подумав, решил вор и сел к столу. – Кор, иди, поешь, смотри, какие тут пироги.

– Я не хочу, – еле слышно отказался мальчишка и снова смолк.

– Сынок… – чуть не плакала Мальяра, – ну что ты со мной делаешь? Ведь всего пару месяцев, а потом пойдем домой.

– Лучше позже пойдем… – еще тише шепнул он, не отрывая рук.

Стоявшая в соседней комнате Тмирна тяжело вздохнула, на цыпочках отошла в сторону лестницы и неслышно скользнула вверх по самому краю ступенек. А затем, ступая тяжело, как больная, спустилась вниз по самой середине и прошагала в комнату, где застыла тяжелая, гнетущая тишина.

– Ну как, поговорили?

Два откровенно враждебных взгляда были ответом на ее вопрос, и если один порадовал ее неожиданным узнаванием честной души, то второй насторожил и одновременно изумил резкой вспышкой тепла редкого амулета.

– Он все поймет, – несчастно выдавила Малиха, – просто я еще никогда его не оставляла одного дольше чем на день. Мы сейчас поговорим, и все будет хорошо, правда, сынок?

– А я бы его взял. Он будет со мной, когда ты будешь… работать… – подавился невысказанным намеком вор и заторопился: – И все деньги вам пойдут. Мне ведь только еду и каморку…

Он снова подавился, обнаружив, что ненавистная старуха, задурившая голову молоденькой вдове, смотрит на него с какой-то почти материнской лаской, улыбаясь так светло, как ему никто не улыбался уже много лет.

– Малиха, идем со мной, я там тебе кое-какие вещички подобрала, – позвала вдову хозяйка и, очень серьезно глядя в ожесточенные глаза мальчишки, твердо пообещала: – Никуда тебя против твоей воли я не увезу, не сомневайся.

Будь Хасит на месте маленького Кора, никогда бы не поверил старухе, несмотря на то, что ее взгляд пробил внушительную дыру в незримой железной броне, которой вор закрыл свое сердце. Но мальчишка почему-то поверил, тоненько всхлипнул и отпустил мать.

«Эх, дите наивное», – уткнувшись в чашку, разочарованно вздохнул вор и с внезапно вспыхнувшей яростью решил, что проследит сам, чтобы все было по-честному. Раз обещала не тащить насильно, пусть исполняет.

А Кор, оставшись один, с интересом осмотрел комнату и, не найдя в ней ничего интереснее, чем стол, добрался до него и принялся рьяно пробовать выставленное угощение.

– Можешь ничего не рассказывать… – устало сообщила Тмирна, добравшись до спальни на втором этаже и, несмотря на высоко поднявшееся жаркое солнце, тщательно закрыла окна, –

я сама все про него поняла. И, разумеется, никому не скажу. Странно, почему ты сама не сообразила, что уйти одной тебе не удастся. Поэтому сейчас мы спустимся вниз, и ты объявишь, что передумала, потому как я получила письмо… от людей в Ардаге, которые возьмут вас на работу втроем.

Дыханье сбилось от счастья, едва Мальяра представила хруст капсулы и прохладный ветерок родины, где сейчас только начинают распускаться первые листочки. Но почему-то вдруг вспомнился горьковато-усталый голос: «Не спорь хоть сейчас, женщина!» Душу опалило стыдом и раскаянием, и вдова упрямо заявила:

– Тогда мы пойдем туда втроем. Дашь мне капсулу для сына, у него на шее висит деревянный свисток, на случай, если кто нападет, когда меня нет рядом. Там есть тайничок. Я давно купила эту вещицу и храню в нем свое колечко… пришлось немного согнуть.

– А ты подумала, как мне жить, пока вы не вернетесь? – тяжело вздохнула Тмирна. – Ты ведь даже не представляешь, сколько людей тебя искало. Почти нашли в Локшане, но опоздали, обшарили все вокруг и обнаружили, что тебя разыскивает хозяин харчевни из Казмира. А ведь это соседнее ханство!

– Мне там не понравилось, – виновато вздохнула Мальяра и тихо пообещала: – Но больше я никуда не сбегу, клянусь!

– Попробую поверить, – грустно усмехнулась настоятельница. – Ну а вору про капсулу скажешь?

– Пока нет… позже видно будет.

– Хорошо. Вот капсула, вот нижние юбки и сорочки, все, как заказали. Вот амулет для тебя, а вот это надень на сына. Он на вид невзрачный, но поможет от ядов и сонных зелий.

– Лучше я Хаситу его повешу, – решила Малиха, – сын без моего разрешения в чужих домах ничего не ест.

– Как знаешь, – легко согласилась Тмирна, понимая, что болтушка пока не готова ни с кем делиться своими самыми сокровенными секретами. – Тогда одевайся и идем вниз… я вас провожу и поеду к базару в коляске, хочу своими глазами на все посмотреть.

Глава 10

Лаис сидел на стуле в меньшей из двух комнаток, которые занимал старшина гильдии посредников Шархема, и медленно цедил холодный земляничный напиток. Напротив него с удобством устроился мрачный Тейлах, наблюдавший через открытую дверь в соседнюю комнату, как перед посредником течет жидкий ручеек девушек и женщин, проявивших интерес к его щедрому предложению.

Отлично разбиравшиеся в ценах на слуг торемцы очень скептически отнеслись к объявлению и справедливо заподозрили, что так много обещают вовсе неспроста. Потому-то большинство кандидаток отличались довольно смелыми манерами и отнюдь не самыми скромными нарядами.

– Мне нужны воспитанные и скромные горничные, – змеей прошипел Тейлах на старшину, подведшему к двери пышную девицу с томным взглядом густо подведенных глаз. – И чтобы среди них хоть одна не была торемкой. Ищи!

Пятясь и низко кланяясь, старшина выбрался из собственного кабинета и уныло осмотрел сидевших у стены девушек, прошедших первоначальный отбор и ожидавших решения господина. Целых шестеро, но он пока не торопится делать окончательный выбор, требует найти ему несуществующую служанку с серыми глазами. А ведь скоро обед, и все желающие найти работу уже давно сидят под навесом на поставленных вдоль стен скамейках и просто на земле. И самые уважаемые наниматели уже бродят между ними, ища, как говорит пословица, верблюда в человеческом облике. Чтоб работал за троих, а ел только придорожные колючки.

– Пришла! Глаза точно такие… светлые! – обжег старшину горячим шепотом младший посредник.

Угрозу важного заказчика насчет реки старшина не замедлил переадресовать своим помощникам.

– Где?

– Вон она, с мужчиной и мальчишкой.

Несколько минут старшина почти с ненавистью изучал того самого торемца, который утром заявил, что смотрит не на цвет женских глаз, потом состроил на лице широчайшую улыбку и потопал навстречу.

– Женщину могу устроить в богатый дом горничной.

– Мы нанимаемся втроем, – с насмешливой вежливостью пояснил торемец.

Старшина собирался еще немного с ним поторговаться, прежде чем идти за ответом к господину, но тот уже сам спешил на улицу, получив условный знак от дежурившего на крыльце охранника.

Хотя наверняка удивился бы, узнав, что ни этот знак, ни его поспешность не укрылись от двух пар внимательных глаз, тайно следивших за происходящим возле домика, принадлежащего гильдии посредников.

– Кто это такие? – едва услышав ненавистный голос господина Тейлаха, старшина подобострастно согнулся и поторопился ответить.

– Проводник, устраивается с семьей.

– Не с семьей, – невозмутимо поправил его Хасит, – а со свободной вдовой. Я назначенный наставник ее сына.

– Уважаемая вдова торемка? – вглядываясь в миловидное лицо женщины, осведомился Тейлах.

– По рождению – нет, – ответил за Малиху вор, – а по брачному закону – да.

– Ты умеешь читать и писать? – напрямую обратился к женщине господин, и она, на миг подняв на него серьезные серые глаза, коротко кивнула.

– Да.

– Знаешь работу горничной?

– Да.

– Мне нужна старшая горничная, я тебя возьму. Есть условия?

– Я пойду только с сыном и его наставником.

– Хорошо, для мужчины работа найдется при кухне. А ребенок слишком мал, чтобы работать, но если он умеет вести себя тихо, то можешь его взять.

– Он умеет, господин, – кротко подтвердила Малиха.

– Тогда заходите… подпишем документ. Потом выберешь из этих девушек троих, они будут твоими помощницами.

Тмирна сердито стиснула зубы, проклиная хитрого торемца, поступившего так, как до него не поступал никто. Значит, не так он и глуп, как показалось с утра, и жаль, что ничего нельзя вернуть, иначе среди этих горничных обязательно была бы хоть одна глупышка. Зато больше нет сомнений, что Тейлаху и в самом деле нужна была именно Мальяра, и значит, в остальном они не ошиблись.

– Вот эта, эта и эта, – медленно пройдя мимо уставившихся на нее с надеждой претенденток, сразу выбрала вдова, делая вид, что не замечает мрачного взгляда, которым прожигает ее вставший со своего места и застывший в дверях кабинета командир.

– Хорошо, – направляясь к выходу, деловито бросил Тейлах, – раз ты приступила к работе, подписывайте документы и усаживайтесь в ту коляску. Остальное вам объяснит Лаис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.